

Старикам везде у нас почет!

Самым ценным и самым решающим капиталом в нашей стране являются люди. Так сказал товарищ Сталин. И эти слова определяют отношение к каждому человеку, молодому или старому, в нашем советском обществе. На этом принципе зиждется и уважение к ветеранам труда.

Людей, отдавших многие годы труда, вырастивших и воспитавших себе на смену новое поколение, обеспечивают и ценят наше государство. Заботой, уважением и почетом окружены у нас ветераны труда.

Рабочий Джеймс Миллер недавно посетивший в составе американской делегации нашу страну, заявил: «Я был поражен, узнав, что каждый рабочий в СССР, достигший 60-летнего возраста, уходит с работы, получает пожизненную пенсию». Ущиплен американского рабочего полагая, что существование действующего законодательства в США и других буржуазных государствах миллионы измотанных жизнью горемык бродит без работы, без каких-либо перспектив на будущее.

Сталинская Конституция гарантирует каждому гражданину нашей страны право на обеспеченную, спокойную старость. В статье 120 Основного Закона СССР сказано: «Гражданин СССР имеет право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности».

Это право поддерживается всей мощью самого гуманного в мире, социалистического государства, ежегодно расходующего десятки миллиардов рублей на социальное обеспечение трудящихся, в том числе на выплаты пенсий, на расширение сети домов инвалидов и приютов для престарелых. В этом ряде профессий установлены повышенные пенсии людям, отслужившим 25—30 лет своего труда. Правительство отмечает наградами за многолетнюю и безупречную работу десятки тысяч рабочих и служащих.

«Человек пожилого возраста представляет большую ценность для государства благодаря накопленному опыту», — писала недавно профессор О. В. Лепешинская. И сама она, один из старейших и талантливейших ученых страны, с гордостью говорит: «В августе 1951 года мне исполнилось восемьдесят лет. А я еще полна энергии и жизнерадостности, вполне трудоспособна, веду большую научную и общественную работу, много читаю и пишу».

Советский человек спокойно смотрит в будущее: родное государство позаботится о нем на старости лет, родной коллектив никогда не выпустит его из поля своего зрения, тем более, если он болен или стар. И в ответ на эту заботу ветераны труда стараются в меру своих сил помогать своему государству, своему заводу, колхозу.

Вот письмо старого металлиста, ушедшего на пенсию. Он узнал, что его завод остро нуждается в производстве напильников и вернулся в свой цех. «Я подобрал оборудование... рассказывает он, — использовал нужные станки и самостоятельно изготовил первую тысячу штук напильников. Затем обучил группу в десять человек и довел в 1950 году выпуск напильников до 10 тысяч штук».

В каждом из подобных писем, — а они приходят в редакцию ежедневно, — видно желание идти в ногу с большой трудовой, полнокровной жизнью страны.

Есть в редакционной почте и другие письма. Одному полтора года чинят крышу, другого посылают из одного места в другое за справкой многолетней занятости, третьему просто груба в трамвае или в учреждении. Откуда берется все это? От равнодушия и черствости отдельных работников.

Забываются о стариках призваны наши профсоюзы и органы социального обеспечения. Секретаря ВЦСПС принял на этот счет немало постановлений. Так, постановление от 10 февраля 1950 года обязывает комитеты профсоюзов и советы социального страхования больше уделять внимания пенсионерам, поддерживать живую связь с ними, приглашать их в клубы, оказывать в необходимых случаях материальную помощь. Хорошее постановление! Но в жизнь оно про-

водится недостаточно. «Мы вручаем старикам пенсию, о которой даже мечтать не смеет огромное большинство наших зарубежных товарищей, с почетом прощаем его до дверей и... переходим к очередным делам. Дальнейшая забота о нем предоставляется уже его родственникам. Но человеку, которому труд был источником смысла жизни и радости существования, родство по крови не может заменить родства по внутреннему содержанию: общей работе, общим интересам, чувству плеча, привязанности к своему коллективу», — пишет в редакцию Ю. Коричика. Доводы пожилой женщины повторены в десятках писем.

Безудшие всюду нетерпимо, но более всего нетерпимо безразличие к людям в органах социального обеспечения. Матвею Михайловичу Жукову, шоферу Кузнецкого хлебокомбината Пензенской области, — 83 года; семья из них отдано труду. Заслужил он пенсию? Думаем, что заслужил. Однако Пензенский облбюро и Министерство социального обеспечения РСФСР умурают докие месяцы тянуть это «пенсионное дело». Видно, не все еще слышащие в органах социального обеспечения поняли важность своей работы. Народ доверил этим советским служащим святое дело — заботу о больных и престарелых людях. Делать это равнодушно, безразлично, нежелательно — значит не оправдывать доверия народа.

Конечно, отзывчивое, чуткое отношение к людям нужно воспитывать у всех, а не только у работников социального обеспечения. Бывает еще, что нехватает чуткости некоторым молодым людям. Дело не только в том, чтобы уступить пожилому человеку место в трамвае или почтительно ответить на его вопрос. Молодой человек, уже взрослым и самостоятельным, владеет от родной семьи должен всегда помнить о своем отце, о матери, помогать им и чувствовать, что жут от него не только денежного перевода, а и привета в праздник, к именинам и просто весточки, что не забыл, что любит, что заедет проведать: показать внучат, справиться о здоровье... В этом — норма поведения советских людей. А ведь приходится иногда еще в редакцию письма с горькой обидой родителей на грубость и поразительную забывчивость иных молодых людей!

Коллектив предприятия тоже не вправе забывать тех, кто десятки лет трудился здесь, передавал опыт и навыки сегодняшним станочникам, а сейчас ушел на заслуженный покой, на пенсию. Дружеское участие, внимание, забота дороги ветеранам труда. Их оскорбляет и не может не оскорблять равнодушие. Иной руководитель предприятия не прочь профсоюзствовать о неуязвимой бодрости и молодости души, — и тут же, не мудруясь лукаво, увольняет старика. Конечно, можно было поговорить с уважаемым человеком, расписать о его планах, здоровье, перевести на работу полегче, или, если уж приходится отпустить, то с добрым словом, но ведь это все требует забот и времени. Куда проще — расчерком пера...

От таком бездумном отношении рассказывает недавно читатель «Литературной газеты» лауреат Сталинской премии Иван Романович Пельтер. Сколько откликов вызвал у советских людей бесцеремный поступок руководителей студии киноактера! Пишут сталевады, студенты, строители — неизвестные друзья заслуженного артиста. «Я сейчас работаю на строительстве высотного здания в Зарье, это рядом с Кремлем, со стороны Василия Блаженного. Работают электромонтажники, — пишет актер А. Погорелов. — Так если у вас есть время и — что главное — здоровье, приезжайте на нашу строительную площадку (часов в 12 дня) и скажите пару слов о своей любимой работе. Вы увидите, любят вас или нет!.. Так что не стоит принимать во внимание того... ну кто он там есть, я не знаю. Если сравнить любовь в вам тысяч наших людей с равнодушным одним чинишью, то его будет просто незаметно...»

Па страже почетной, обеспеченной старости стоит советское общественное мнение. Не принято у нас забывать про стариков. Уважить и пенят в Советской стране трудовую старость. Так и народ поет в одной из самых любимых своих песен: — Старикам везде у нас почет!

А кто нарушает это правило, с того народ спросит!

Ведется недостаточно. «Мы вручаем старикам пенсию, о которой даже мечтать не смеет огромное большинство наших зарубежных товарищей, с почетом прощаем его до дверей и... переходим к очередным делам. Дальнейшая забота о нем предоставляется уже его родственникам. Но человеку, которому труд был источником смысла жизни и радости существования, родство по крови не может заменить родства по внутреннему содержанию: общей работе, общим интересам, чувству плеча, привязанности к своему коллективу», — пишет в редакцию Ю. Коричика. Доводы пожилой женщины повторены в десятках писем.

Безудшие всюду нетерпимо, но более всего нетерпимо безразличие к людям в органах социального обеспечения. Матвею Михайловичу Жукову, шоферу Кузнецкого хлебокомбината Пензенской области, — 83 года; семья из них отдано труду. Заслужил он пенсию? Думаем, что заслужил. Однако Пензенский облбюро и Министерство социального обеспечения РСФСР умурают докие месяцы тянуть это «пенсионное дело». Видно, не все еще слышащие в органах социального обеспечения поняли важность своей работы. Народ доверил этим советским служащим святое дело — заботу о больных и престарелых людях. Делать это равнодушно, безразлично, нежелательно — значит не оправдывать доверия народа.

Конечно, отзывчивое, чуткое отношение к людям нужно воспитывать у всех, а не только у работников социального обеспечения. Бывает еще, что нехватает чуткости некоторым молодым людям. Дело не только в том, чтобы уступить пожилому человеку место в трамвае или почтительно ответить на его вопрос. Молодой человек, уже взрослым и самостоятельным, владеет от родной семьи должен всегда помнить о своем отце, о матери, помогать им и чувствовать, что жут от него не только денежного перевода, а и привета в праздник, к именинам и просто весточки, что не забыл, что любит, что заедет проведать: показать внучат, справиться о здоровье... В этом — норма поведения советских людей. А ведь приходится иногда еще в редакцию письма с горькой обидой родителей на грубость и поразительную забывчивость иных молодых людей!

Коллектив предприятия тоже не вправе забывать тех, кто десятки лет трудился здесь, передавал опыт и навыки сегодняшним станочникам, а сейчас ушел на заслуженный покой, на пенсию. Дружеское участие, внимание, забота дороги ветеранам труда. Их оскорбляет и не может не оскорблять равнодушие. Иной руководитель предприятия не прочь профсоюзствовать о неуязвимой бодрости и молодости души, — и тут же, не мудруясь лукаво, увольняет старика. Конечно, можно было поговорить с уважаемым человеком, расписать о его планах, здоровье, перевести на работу полегче, или, если уж приходится отпустить, то с добрым словом, но ведь это все требует забот и времени. Куда проще — расчерком пера...

От таком бездумном отношении рассказывает недавно читатель «Литературной газеты» лауреат Сталинской премии Иван Романович Пельтер. Сколько откликов вызвал у советских людей бесцеремный поступок руководителей студии киноактера! Пишут сталевады, студенты, строители — неизвестные друзья заслуженного артиста. «Я сейчас работаю на строительстве высотного здания в Зарье, это рядом с Кремлем, со стороны Василия Блаженного. Работают электромонтажники, — пишет актер А. Погорелов. — Так если у вас есть время и — что главное — здоровье, приезжайте на нашу строительную площадку (часов в 12 дня) и скажите пару слов о своей любимой работе. Вы увидите, любят вас или нет!.. Так что не стоит принимать во внимание того... ну кто он там есть, я не знаю. Если сравнить любовь в вам тысяч наших людей с равнодушным одним чинишью, то его будет просто незаметно...»

Па страже почетной, обеспеченной старости стоит советское общественное мнение. Не принято у нас забывать про стариков. Уважить и пенят в Советской стране трудовую старость. Так и народ поет в одной из самых любимых своих песен: — Старикам везде у нас почет!

А кто нарушает это правило, с того народ спросит!

Второй цикл докладов относится к вопросам горьковских традиций в советской литературе и влиянию творчества писателя на развитие литературы народов СССР и зарубежных стран. Эти вопросы, неоднократно ставившиеся на сессиях ИМЛН, ныне получают свое развитие в девяти докладах. Тема «Горький и советские писатели» посвящают свои выступления А. Бумин (Горький и Фадеев), В. Колосов (Горький и Леонов) и Н. Эвентов (Горький и Тренев). Валентина горьковского

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НАША СОВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

От корреспондентов «Литературной газеты»

КАРТИНЫ ВРАЧА ТАРАСОВА

Константин Петрович Тарасов за работой над портретом сталевады Кочетова

Большая картина, установленная на мольберте, изображает сталеваду. Кажется, что он только что отошел от печи. Автор картины с большим знанием производственного процесса нарисовал сталеваду в синих очках на фуражке, с лопатой в руках, мартовскую печь, сияющую светеложным огнем, что свидетельствует об оптимальном режиме ее работы, полном сгорании топлива.

Нарисовал картину заводской врач, страстный любитель живописи Константин Петрович Тарасов. Изображен на ней знаемый сталевады Приднпровья лауреат Сталинской премии Павел Сергеевич Кочетков. Многолетняя дружба и совместная работа на одном предприятии — металлургическом заводе имени Дзержинского в Днепропетровске — связывают врача и сталеваду.

Константин Петрович начал рисовать еще в юности.

Стены трех комнат его квартиры увешаны картинами — большими и маленькими, в бронзовых багетах и скромных рамках, масляными и акварельными, портретами и пейзажами. Художник любит полотна великих русских художников Репина, Айвазовского, Левитана, Маковского. У них Константин Петрович перенял любовь к пейзажам родного края, к правдивому, реалистическому изображению жизни.

С особой любовью пишет Константин Петрович портреты знаемых людей родного металлургического завода имени Дзержин-

РОЖДЕНИЕ НОВОГО СОРТА

Море хлеба. Посевы тучные, густые. Протягивая руку вальс, Михаил Устимович Яворский говорит:

— Вот эта рожь — «Первомайская». Выведена в нашей колхозной хате-лаборатории. Сорт испытан. После войны его сеют многие колхозы Подолья, да и не только они...

Еще до войны Яворский начал работу на опытных участках. На основе мичуринской науки он искал пути к повышению урожайности зерновых культур.

Война помешала ему довести начатое дело до конца. Но вот отгремели военные грозы, и он снова — заведующий хатой-лабораторией в колхозе «Первое мая» Миньковецкого района, Страстный мячуринец, М. Яворский с еще большей силой и энергией взялся за научно-исследовательскую работу. В 1946 году Михаил Устимович создал новый сорт ржи, которую в честь своего колхоза назвал «Первомайской».

Рожь «Первомайская» испытана на Каменном-Подольском и Винницком государственных сортоучастках. Она дает тридцать центнеров с гектара, тогда как сорт «Тарашанская» дал в тех же условиях 8,5 центнера с гектара.

На государственном испытании находится и новый сорт пшеницы Яворского — «Победа».

Исследованиями колхозника-селекционера заинтересовался Ученый совет Уманского сельскохозяйственного института на Киевщине. Колхозник-новатор сделал доклад на заседании Ученого совета о достижениях колхозного «Дома агрономической культуры» и своих опытах. Тогда же Яворский впервые вышел на кафедру института и прочитал лекцию студентам.

Михаил Устимович продолжает исследовать 20 новых сортов зерновых и технических культур. Ему помогают ученые, с которыми он постоянно поддерживает живую связь. У него хранятся письма от академика И. Якушкина, заинтересовавшегося новыми сортами пшеницы и ржи, от профессора Уманского сельскохозяйственного института, которые помогли новатору продвинуть в жизнь его сорта.

Сейчас на опытных участках Михаил Устимович продолжает совершенствование шестигранной ржи, несколько колосов которой он вывел в 1947 году. Мысль о создании шестигранной ржи возникла еще во время наблюдения за «Первомайской». Как-то исследователь заметил, что на одном обыкновенном колосе проступали две доминирующие грани. Яворский установил за ним тщательное наблюдение. На следующий год он посеял лучше зерна нового колоса. Так было выведено шесть колосов с полными шестью гранями, содержащих от 80 до 90 зерен, в то время как в лучших колосьях обыкновенной ржи количество их достигает только 50—60.

— Можно сказать, что сегодня шестигранная рожь уже существует, — говорит Михаил Яворский. — Применение этого сорта в одинаковых с обыкновенной рожью условиях дает повышение урожайности в полтора раза.

М. ЛОГИВЕНКО

ПРОСКУРОВ

Михаил Наумов до войны был постоянным посетителем Библиотечной центральной библиотеки. На войну он ушел добровольцем. Два года был на фронте. На Курской дуге его тяжело ранили. Очулся он в госпитале с темной повязкой на глазах. Восстановить зрение не удалось.

Приехал Наумов в родной Бийск, и здесь посетил его вскоре сотрудница библиотеки Лидия Чеснокова.

Она читала ему книги, рассказывала о жизни страны, а однажды принесла объемистую книгу с листами, похожими на тонкий картон.

— Это дарит вам библиотека, — сказала она.

Михаил ошупал книгу. Листы были шероховатые, с маленькими бугорками. Вскрол ее и увидел. Спустя месяц Наумов мог уже сам читать. Это обрело его, большой поднялся с постели. Его направил учиться. Наумов стал учителем.

Так работники городской библиотеки помогли ему найти свое место в жизни.

А. ПРОХОРОВ

БИНСК

в каждой алтайской деревне. Отсюда и поговора: «У Пятницы семь пятниц не бывает». Недавно С. Пятница получил звание Героя Социалистического Труда.

За двадцать лет Мария Семеновна записала более семи тысяч пословиц и поговорок. Многие из них еще нигде не публиковались. Из них можно многое узнать об истории Алтайа, о мыслях и чувствах советских людей. Недаром к М. С. Тонконоговой часто приходят докладчики и лекторы («подобрать для доклада фразы покрепче»), приходят журналисты, агитаторы и просто любители живого русского слова.

Лучшие из пословиц и поговорок, собранных Марией Семеновной, предлагаются использовать в книге «Устное народное творчество Алтайского края», которая должна выйти в конце этого года.

В ДАЛЕКОЙ ТУНДРЕ

Дороги в тундре знают только коренные жители Колынского полуострова, саамы — оленеводы и охотники. Колхозник пастух-оленьевод поведет вас от становища к становищу, привезет в районный центр, через горы, болота доставит в Мурманск.

Но Николаю Модестовичу Матрешину не нужен проводник. С раннего детства знает он тундру и ее законы. Он воль и поеласком издает суровую саамскую речь, командом ему может служить какой-нибудь камень-валун на склоне голого холма, а барометром — цвет облаков или неба.

— В тундре меня ждут пастухи-оленьеводы, — сказал он в Саамском райкоме партии. — Поеду к ним.

И вот он, этот влюбленный агитатор и пропагандист, заведующий Красным тумом, уложив на нарты радиоприемник «Родина», батарею, гармонь, патефон с набором пластинок, передвижную библиотеку, аптечку, газеты, журналы и отправился в далекий, незеленый путь на оленях.

Было начало марта. Он пробирался через заснеженные холмы, равнины, горы. Только когда уставали оленя, Николай Модестович ужиная и, забравшись в меховую мешок, засыпал прямо на снегу у нарты; оленя, разгребая снег копытами, ели мохлять.

Наконец агитатор добрался до чумов первого стада оленеводческого колхоза «Искра».

Лектор рассказывал им о героической борьбе корейского народа с американскими интервентами за свою свободу и независимость, о национально-освободительной борьбе во Вьетнаме. Он провел

МУРМАНСК

КОЛХОЗНЫЙ КНИГОЛЮБ

— А я думаю, не придет сегодня наш книголюб, — сказал заведующий Медвежьей библиотекой Петр Апарин, когда в комнату вошел молодой парень с рюкзаком за плечами.

— Странно, — ответил, здороваясь, вошедший, — и в нашем селе зовут меня книголюбом. А я ведь не состою в этой должности. Я ведь во доброй воле — как увижу хорошую книгу, хочется, чтобы каждый прочитал ее...

— В должности не состоите, а тысячу двести книг за последние три месяца выдал? Выдал! Распространил на тысячу рублей литературы? Распространил!

Этот разговор я слышал в библиотеке села Медвежье, Семилукского района, Воронежской области, где узнал историю Егора Пенкина — неумолимого пропагандиста книги.

В селе Кавыре, стоящем, как говорится, на отшибе, пока еще нет библиотеки. Далеко ходить колхозникам за книгой — до районного села тридцать километров, до

несколько бесед с писателями Ф. Гладковым и Н. Никитиным, прочитал вслух отрывки из повести «Волныца» и романа «Северная Аврора». Потом агитатор направился в Понюжский оленеводский, а оттуда — в становище оленеводов колхоза «Большевик».

— Рассказывайте нам, Николай Модестович, о великих стройках коммунизма, — спросили его пастухи.

В чуме, затерявшемся в пустынноом океане снегов, агитатор рассказывает о сталинском плане преобразования природы, рисует удивительные картины обновления советской земли. Яркий горит костер, разноцветные посредине чума, его пламя освещает лица слушателей и самого рассказчика. После беседы записывается разговор о делах в колхозе, его перспективах и задачах.

За 50 дней Николай Модестович проехал на оленях по тундре 1020 километров, провёл 54 беседы и организовал 32 читки художественной литературы.

Сейчас в Азербайджане уже созревает новый урожай, около Рязани отцветают сады, а здесь, за Полярным кругом, почти каждый день идет снег. Но никогда не растает Николай Модестович с суровой красотой Севера, с этим богатым краем, с его тружениками, которые вместе со всем советским народом строят коммунизм.

В ближайшие дни он снова надолго поедет в глубь тундры — к пастухам-оленьеводам, а от них — в рыболовецкие бригады, работающие на острове Зеленом.

А. МОШКИН

М. ЛОГИВЕНКО

ОТЗЫВЧИВОСТЬ

Михаил Наумов до войны был постоянным посетителем Библиотечной центральной библиотеки. На войну он ушел добровольцем. Два года был на фронте. На Курской дуге его тяжело ранили. Очулся он в госпитале с темной повязкой на глазах. Восстановить зрение не удалось.

Приехал Наумов в родной Бийск, и здесь посетил его вскоре сотрудница библиотеки Лидия Чеснокова.

Она читала ему книги, рассказывала о жизни страны, а однажды принесла объемистую книгу с листами, похожими на тонкий картон.

— Это дарит вам библиотека, — сказала она.

Михаил ошупал книгу. Листы были шероховатые, с маленькими бугорками. Вскрол ее и увидел. Спустя месяц Наумов мог уже сам читать. Это обрело его, большой поднялся с постели. Его направил учиться. Наумов стал учителем.

Так работники городской библиотеки помогли ему найти свое место в жизни.

А. ПРОХОРОВ

СЕМЬ ТЫСЯЧ ПОСЛОВИЦ И ПОВОРОК

Мы — в доме Марии Семеновны Тонконоговой. Несмотря на свои 82 года, старая учительница выглядит бодро. Мария Семеновна достает тетрадь с записанными ею пословицами и поговорками.

Под № 6866 значится пословица: «Кулуна с хлебом всегда». Мария Семеновна рассказывает «биографию» этой пословицы. Кулуна — бескрайняя степь в Сибири, это плодородная почва до революции давала скудные урожаи, потому что хлеб выжигали свирепые суровые. Люди здесь занимались больше скотоводством. Очень часто в степи был голод. Недалеким на Алтае говорили: «Жить в Кулунаде — быть в беде». Что мог кулунанский бедняк-хлебороб противопоставить суровому — соху, одиознейший конный плуг?

В тридцатых годах вся Кулуна обдана колхозами. Появились мощные тракторы, комбайны и множество других машин. На помощь хлеборобам пришла наука. Алтайский инженер Федор Степа-

Народы требуют Пакта Мира

На острове Ада-Калех

РУМЫНЬИ. Древний Лунай, преодолев грады порогов и вырвавшись на равнину, еще долго по-стариковски ворчило бросает свои волны на отлогой берега. Где-то посредине широкой реки затерялся в водных просторах маленький остров Ада-Калех. Жители острова в большинстве — турки. Несмотря на то, что в настоящее время остров находится под господством кучки помещиков, отгнавших последние крохи из бедняков. Ныне, при народно-демократическом режиме, жизнь островитян в корпе переменилась. В 1949 году здесь построена табачная фабрика, в отобранных у помещиков домах уютно разместились клуб, детский сад, ясли. Есть тут теперь библиотека, киноустановка, спортивные площадки, национальный театр — электростанция.

Румынская крестьянка Лина Траян, жительница коммуны Болдинтулулуй Вала, подписавшаяся под требованиями Пакта Мира.

Снимок из румынской газете «Вияя синдикале»

Обо всем этом вспомнил жители острова, когда охотно и дружно подписывали Обращение о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. «Нам долг бороться за мир настойчиво и мужественно, — заявила передовая работница табачной фабрики Мели Катем, — мы ведь находимся в нескольких шагах от страны, где господствует титовская власть врагов мира... Самоотверженным трудом укрепляем нашу любимую родину!»

Знамена мира

ФРАНЦИЯ. Нет сегодня такого уголка в стране, где бы не обсуждалось Обращение Всемирного Совета Мира. На многочисленных собраниях и в узком кругу знакомых, в магазинах и на предприятиях, в учебных заведениях и в жилых домах сторонники мира горячо и страстно объясняют значение этого исторического документа. Часто можно наблюдать, как прямо на улице, неслышно на попутку, собираются группами люди, чтобы послушать выступление агитатора мира.

Член Всемирного Совета Мира аббат Булле выступает на митинге в здании биржи труда в Лионе (Франция). Четыре тысячи участников этого митинга единогласно поддержали предложение о подписании Пакта Мира между пятью великими державами.

Снимок из французской газеты «Авангард»

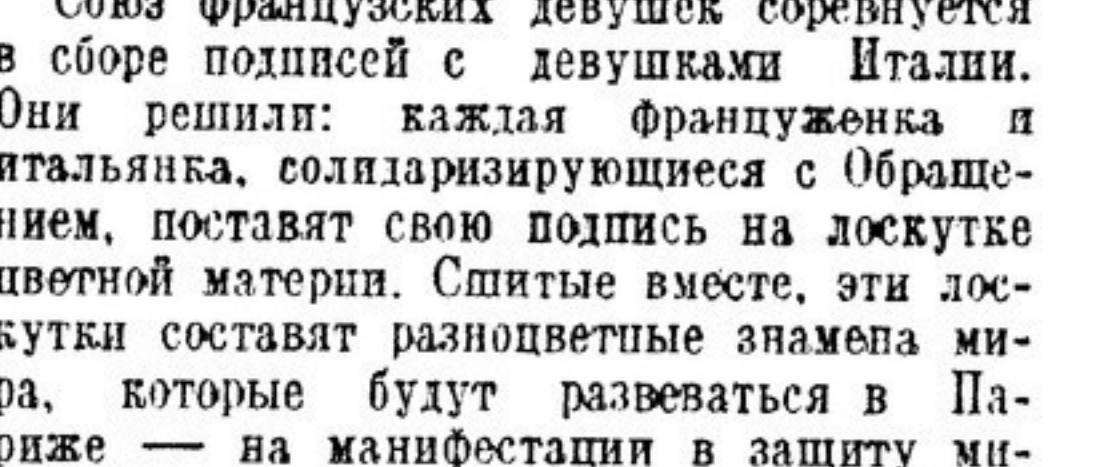
Недавно в ряде населенных пунктов департамента Приморские Альпы с докладами, посвященными решению Берлинской сессии Всемирного Совета Мира, выступил член Всемирного Совета Мира аббат Булле. Выступивший борясь за мир собрал большое число слушателей.

Деятельное участие в сборе подписей под требованием о заключении Пакта Мира принимают французские юноши и девушки. Молодежь департамента Сены и Уазы, например, проводит сбор подписей в пригородных лесах и в далекие расположенные от промышленных центров поселках. Лучший сборщик подписей будет послан на Всемирный фестиваль молодежи, который состоится в этом году в Берлине.

Союз французских девушек соревнуется в сборе подписей с девушками Италии. Они решили: каждая француженка и итальянка, солидаризирующаяся с Обращением, поставит свою подпись на доску почетной матери. Сшитые вместе, эти досочки составят разноцветные знамена мира, которые будут развешены в Париже — на манифестации в защиту мира 15 июля, а также в Берлине на Всемирном фестивале молодежи. «В Берлине наши знамена расскажут о том, — говорит в Обращении, подписанном представителями союзов французских и итальянских девушек, — что воле девушек к миру сильнее всех претерз!»

Анна Хободитес собрала 3500 подписей

АВСТРИЯ. Эта страна никогда еще не знала такого организованного, всеобъемлющего общественного движения, как движение борцов за мир. 650 тысяч честных австрийцев уже подписались под Обращением Всемирного Совета Мира. Многие из них не только присоединяются к призыву миллионов людей доброй воли, но сами становятся сборщиками подписей. Вот один из многих примеров. Простая жительница Вены Анна Хободитес собрала 3500 подписей. Она энергично включилась в кампанию, и скоро среди ее друзей и соседей не осталось ни одного человека, не поддержавшего требования о заключении Пакта Мира. Тогда Анна Хободитес стала собирать подписи среди знакомых ей людей — в парках, магазинах, трамваях. На ее счету сейчас уже более 3500 подписей.

Рабочие и служащие сталеного завода в пригороде Вены Донауфельд ставят свои имена под Обращением о заключении Пакта Мира.

Снимок из австрийской газеты «Эстеррейхские Фриденсвейтугер»

Рабочие и служащие сталеного завода в пригороде Вены Донауфельд ставят свои имена под Обращением о заключении Пакта Мира.

Снимок из австрийской газеты «Эстеррейхские Фриденсвейтугер»

Рабочие и служащие сталеного завода в пригороде Вены Донауфельд ставят свои имена под Обращением о заключении Пакта Мира.

СОВЕТСКАЯ АДВОКАТУРА

«Литературная газета» своевременно поднимала немаловажный вопрос о советской адвокатуре, о необходимости перестроить ее работу. В своих письмах в редакцию И. Владимиров и Л. Ленский справедливо указывают, что об этой профессии мало говорят и еще меньше пишут, что в нашей художественной литературе не показан моральный облик советского адвоката. Еще имеет хождение старое представление о провинциальном адвокате, который, выходя в суд, непременно вскрикивает брови, позорит, говорит с перегибами в голосе и утробными ударами. Таков Стрелыцкий из повести Л. Карелина «Малыш советник юстиции», напечатанной в пятом номере журнала «Знамя». Попутно нельзя не заметить, что не только адвокаты, но и народные судьи, прокуроры, следователи не удостоиваются внимания наших литераторов, к сожалению, не проявляющих интереса к житейским явлениям, отражающимся в «шире судебском».

Деятельность коллегий адвокатов действительно нуждается в серьезной перестройке и требует решения ряда насущных вопросов.

Однако нельзя в таком причислить вопрос: обязан ли адвокат принимать любое поручение, может ли он крикнуть душой? Постановка этой «проблемы» неслучайно в наших условиях. И Л. Ленский правильно заключает: надо раз и навсегда отказаться от выходов представителей в какой-то особой адвокатской этике, якобы позволяющей в силу особенностей профессии отступать от обязательных для всех советских людей принципов коммунистической морали и права социалистического общества. Наумовым следует признать утверждения об особой «этике советской адвокатуры», как ее называет И. Владимиров.

Бытующие кое-где рассуждения о зависимости адвоката от позационного, о профессиональной тайне адвоката, о его праве любыми средствами защищать безнадежное и неправо дело, о необходимости быть правым перед судом и нравственно разобщенным в отношении к позационным несправедливостям и нетерпимым, когда речь идет о нашей, советской адвокатуре. В условиях социалистического правосудия нет почвы для возникновения подобного рода «проблем»: марксистско-ленинская наука о государстве и праве, наша коммунистическая мораль снимают эти вопросы. Рассуждения на тему об особом нравственном поведении адвокатов, готовых на любые сделки с совестью во имя защиты интересов денежного мешка и ради личной наживы. Именно таких адвокатов имел в виду Достоевский, когда писал, что они «никогда не могут действовать по совести» и, стало быть, являются «обреченными на бессовестность людскую».

Известно, например, что в США деятельность адвокатов является привилегией состоятельных людей. Для них это превратилось в одну из отраслей капиталистического предпринимательства, имеющего своей целью любыми средствами защищать интересы крупных монополий. (Я не говорю, конечно, о тех прогрессивных адвокатах-борцах, которые ведут свою благородную работу в условиях буржуазного суда, которые в США, в Англии или во Франции мужественно защищают от судебных преследований участников борьбы за мир и демократию).

Советская адвокатура не имеет ничего общего с буржуазной: она в корне и принципиально отлична от нее. «...мы разрушили в России, и правильно сделали, что разрушили, буржуазную адвокатуру...», писал Ленин.

Советские адвокаты — активные деятели социалистического общества, они — один из отрядов нашей интеллигенции, они ведут большую работу по укреплению советской законности.

П. КУДРЯВЦЕВ,

заместитель министра юстиции СССР

Армия советских адвокатов, писала «Правда», — «это в большинстве хорошие, добросовестные работники, помогающие населению правильно разрешать вопросы юридического характера и заботящиеся о том, чтобы законные интересы и права их клиентов были отражены и обеспечены».

Адвокаты, как известно, призваны защищать обвиняемых на суде, оказывать населению юридическую помощь и принимать на себя представительство при судебном разбирательстве гражданско-правовых споров. Правильная организация советского судебного процесса невозможна без адвокатов. Их выступления в судебных процессах имеют большое общественно-политическое и воспитательное значение. Именно поэтому есть основания предъявлять к адвокатам высокие государственные требования. При этом следует считать праздными всякого рода разговоры о существующей якобы неадекватности и значении советской адвокатуры и необходимости каких-то особых мероприятий для поднятия ее авторитета.

Нельзя, конечно, игнорировать факты неуважительного, а порой и грубого отношения к адвокатам со стороны отдельных малообразованных и плохо воспитанных работников. Такие факты — весьма редкое явление, и искоренить его не так уж трудно. Основная задача состоит в перестройке работы самих коллегий, чтобы не было поводов для нареканий граждан на все еще, к сожалению, имеющее место факты несправедливого поведения отдельных адвокатов и халтурного выполнения ими своих высоких обязанностей.

Для того, чтобы улучшить деятельность адвокатуры, нет необходимости в настоящее время перестраивать организационную структуру и устанавливать формы работы коллегий. В таких реформах, по нашему мнению, нет надобности. По положению дел в ряде коллегий адвокатов, политический и организационный уровень их работы, состояние кадров и качество профессиональной деятельности отличаются столь крупными недостатками, что становится совершенно очевидной необходимость навести здесь большевистский порядок. Эта задача стоит прежде всего перед Министерством юстиции СССР и его органами, призванными руководить адвокатурой, контролировать ее деятельность.

Справедливо ставится вопрос об укреплении кадров и надлежащем их воспитании. В советской адвокатуре могут и должны работать люди, беспредельно преданные партии Ленина-Сталина, идейно закаленные, политически подготовленные, юридически грамотные и обладающие высокой общей культурой. Только такое воспитание советских адвокатов сделает из них защитников, не услужающих и потакающих, а принципиальных и последовательных, могущих, по словам А. Вышинского, бесстрашно анализировать данное дело и заявить в этом деле свою позицию, с достоинством и честью отстаивать эту позицию до конца, подчиняясь только закону и собственной совести.

Было бы неправильно и недопустимо охватывать весь здоровый коллектив советских адвокатов, насчитывающий большое число коммунистов и комсомольцев, участников Великой Отечественной войны, активных общественников, квалифицированных и опытных юристов. Однако кое-где в коллегиях и по сей день пребывают люди, юридически не просвещенные, недостаточно относящиеся к своим обязанностям, а порой даже лояльные делцы, не имеющие ничего общего с юриспруденцией. Ни для кого не секрет, что в этой именно позе возникают порой разводы и другие несправедливые явления, подрывающие общественный авторитет адвокатов. Этому способствует и слабое развитие большевистской критики и самокритики в коллегиях, как о том справедливо пишет П. Владимиров. Проводимая в настоящее время в ряде республик аттестация адвокатов позволит освободиться от негодных работников.

Укрепление кадров и решительное усиление работы по идейно-политическому воспитанию адвокатов тем более необходимо, что им доверены ответственные выступления в судебной трибуне и они призваны играть весьма важную роль в судебном процессе. Адвокат не должен допускать на суде, пытаться заткнуть дело и прибегать к отжиженным средствам защиты, рассчитанным на дешевые вкусы обывателей. Он призван понимать запытанную на высоту интересов Советского государства. Мужественно и последовательно защищая подсудимого, адвокат должен руководствоваться принципами социалистического правосудия, представлять все аргументы в защиту подсудимого, не сходя с позиций советского защитника, который не может ограничивать свою задачу лишь интересами своего подсудимого «как такового», как отдельной, изолированной личности, а в первую очередь, должен думать об интересах народа, интересах государства.

Надо сказать, что до сих пор есть среди адвокатов отдельные любители по всякому поводу требовать возвращения дела на исследование, утаивать от суда важные для дела материалы, прибегая к для судейской инстанции, заявлять отводы судьям и т. д.

Мы знаем даже такой случай: некий адвокат Квансов советовал своей подсудимой заявить на суде отвод прокурору, говоря, что если этого прокурора отведут, будет легче защищать ее... Выступления адвоката в судебном процессе должны отличаться высокой идейностью, правдивым и честным отношением к суду, принципиальностью, хорошим знанием дела, высокой юридической культурой и подлинным красноречием. Иначе неизбежны такие, например, курьезы.

Адвокат Ф., выступая в суде по делу продавщицы хлебоного магазина, обвинявшейся в обвешивании покупателей, в своей речи заявил: «Граждане судьи! Заткните уши, заткните мне уста, а жучий и репашный вопрос все равно пробьется насквозь. Его влетит действительность прилавка и весов будущей № 23... Всякий честный человек, всякая непредубежденная совесть его слышит, и я призываю внимательно выслушать мое слово в этом направлении...»

Подобные «перлы» никак не украшают судебный процесс и находятся за пределами здравого смысла. Попытки качества выступлений в судах — серьезнейший вопрос. Следует признать, что до сих пор нет надлежащего контроля за качеством работы адвокатов, особенно за их выступлениями в судах. Министерство юстиции СССР и его органы на местах принимают меры, чтобы навести порядок в коллегиях. Однако этим нельзя ограничиться. Строго соблюдая демократические принципы управления делами в коллегиях, широко развертывая в них критику и самокритику, решительно усиливая работу по идейно-политическому воспитанию, необходимо обеспечить активное участие всех адвокатов в коренной перестройке работы своей организации. Советские адвокаты должны быть на высоте задач, стоящих перед работниками юстиции.

И Институтом имени Эрисмана еще один серьезный вопрос — о борьбе с загрязнением городского воздуха выхлопными газами автомобилей. Давно уже можно было создать конструкцию, поглощающую вредные газы, выбрасываемые автомашинами. Наконец, Институт имени Эрисмана должен разработать прибор, который позволял бы определять качество выхлопных газов; пользоваться этим прибором, Госавтоинспекция могла бы снимать с линии, не выпускающие из гаражей такие автомобили, которые чрезмерно загрязняют городской воздух.

Другой пример — в таких писем немалое. Жильцы в квартале № 37 дома № 26 по Малой Татарской улице пишут, что они чрезвычайно страдают от гула моторов и машин цеха одной из артелей Моспиче-прохоза. Можно ли было в данном случае принять меры, поставив шумоглушители? Безусловно, можно. Моссовет еще в прошлом году давал указание администрации артели ликвидировать шум в цехе. Но никто за выполнением этого указания не проследил.

Справедливое предложение делает в своем письме старший преподаватель по технике безопасности тов. Лавров. Речь идет о том, чтобы в черте городов паровозы и паровозы, особенно летом, не давали гудков на полную мощь и обходились другими сигнальными приборами.

Многочисленные письма читателей докладывают в распоряжении руководителей предприятий и городов в целом — гораздо больше возможностей для устранения шума и других помех, чем иногда кажется на первый взгляд. Эти возможности надо использовать! Если затруднительно все сделать сразу, то постепенно, по плану, планомерно делать необходимо.

Но вот область, где организованное вмешательство могло бы сразу улучшить положение, — речь идет о шумовых злодеев, и требования в быту. Научный работник тов. Смолов справедливо ставит вопрос об этике объединения советских людей. Когда-то Давидович писал в статье «Четыре» об особенностях русского простонародия, что настоящим человеку из народа всегда свойственна возвышенная аскетичность, стремление «расположить свои действия так, чтобы они принесли как можно более

Знаете ли вы своих знаменитых земляков?

В город Енакиеве из Орловской и Воронежской областей приехали комсомольцы. Они поступили в местное ремесленное училище. Будущим металлургам сообщали, что Енакиевский металлургический завод имеет славную, примечательную историю. Он первым из заводов Юга дал молодой советской республике металл в годы разухи, первым возобновил производство металла после освобождения Донбасса от фашистских оккупантов.

— На этом заводе, — сказали ребятам, — работал Курако.

— А кто такой Курако?

— Ну как же... Курако — это был знаменитый человек.

Но чем именно был знаменит этот человек, кем он работал здесь, ребята так и не узнали.

Гораздо позже им удалось прочесть о том, что Михаил Константинович Курако — знаменитый русский металлург; на Енакиевском заводе он работал начальником доменного цеха.

Конечно, этих скудных сведений о знаменитом человеке было недостаточно. Но что поделаешь? Книг о Курако в библиотеке нет, лекций о нем в городе не читают. А сколько интересного и увлекательного можно рассказать об этом «мастере доменного дела и человеческих душ», как называл Курако академик И. П. Бардин.

Здесь, на юге России, бывший каталек Курако осуществил свои смелые новаторские замыслы по изменению конструкции доменных печей, внедрил механизацию там, где капиталисты привыкли пользоваться дешевым ручным трудом, стал восстанавливать печи с нарушенными доменным процессом.

Новаторские идеи и опыты Курако сыграли видную роль при сооружении Кузнецкого металлургического комбината, когда самого Курако уже не было в живых. Имя его стоит в ряду замечательных имен деятелей русской науки и техники.

Вот об этом-то человеке и распространяли питомцы Енакиевского ремесленного училища, но их любопытство осталось неудовлетворенным.

— Читали ли вы лекции о замечательных людях, жизнь и деятельность которых связана с нашим городом или воюем с Донбассом? — спросили мы у тов. Спиридонова, секретаря Енакиевского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

— Оказалось, что не читали.

— Почему же? Разве у ваших слушателей нет интереса к таким темам?

— Ну что вы! Интерес большой. Вот недавно прошла лекция «Социалистический Донбасс», народ слушал ее с исключительным вниманием.

Мы познакомимся с этой лекцией. На первой странице было написано: «Шера и плодородная доменная земля! Она греет угли, железную руду, гранит, андезит, диабаз, мергель... и многие другие полезные ископаемые и хлеб».

— Здесь, кажется, ничего не сказано о людях?

— Как? — возразил тов. Спиридонов. — Мы включили имена Макара Мазаев, Паша Ангелиной, Никиты Изотова...

Из дальнейшей беседы выяснилось, что членами общества по распространению политических и научных знаний в Енакиеве состоят, главным образом, учителя, врачи и партийные работники; в городе техники среди лекторов нет инженеров. На заводах и шахтах читаются чаще всего лекции по медицине, литературе, естествознанию и на общеполитические темы. Лекции о доменнике Курако, сталеваре Мазаеве, шахтере Изотове и других новаторах производства, живших в Донбассе, не было. Между тем, на заводах и шахтах Енакиева трудятся сотни инженеров, и

многие из них отлично справились бы с такими темами.

С Донбассом связаны имена многих замечательных революционных деятелей, ученых, новаторов. В городе Сталино (бывшей Юзовке) провел последние дни своей детской жизни В. В. Берлин (П. Флеровский). По капитальному научно-исследовательскому труду Берлин-Флеровского «Положение рабочего класса в России» Карл Маркс изучал русский язык. По повелению этой книги Маркс писал: «Это — настоящее открытие для Европы... Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника... Такие труды... делают действительную честь России...»

Донбасс посетили и изучали внешнеэкономические геологи А. П. Карпинский, Ф. Н. Чернышев, Л. И. Лутугин и другие.

Лутугин на протяжении многих лет изучал геологию этого края. Он вывел на 70 планшетах модель Донецкого края и составил обзорную геологическую карту Донбасса, которая не потеряла своего значения и до настоящего времени. Имя Л. И. Лутугина увековечено в названии железнодорожной станции близ Ворошиловграда и угольной шахты. Посетив в прошлом году эту шахту, известный историк техники профессор В. В. Давыдовский глубоко печался: на шахте не знали, кто такой Лутугин. Тогда же записал на пленку лекцию об этом неутомимом исследователе доменных печей; небольшой отрывок из лекции однажды прозвучал на шахте его имени. И только.

Старые шахтеры помнят талантливого горного инженера Б. И. Бокя. В свое время он заведовал в Донбассе шахтой «Иван», работал в поселке Ручеевском на шахте № 30. С именем Б. И. Бокя в угольной промышленности связаны разработки и внедрение новой системы ведения горных работ, произрабатывающей лав и забоев. Он является также создателем нового аналитического метода проектирования каменноугольных шахт и автором трехтомного «Практического курса горного искусства», на котором воспитаны тысячи советских горных инженеров. Труды Б. И. Бокя занимают заслуженное место в золотом фонде отечественной горной науки. Но страна и в Донбассе не услышит о нем ни популярной лекции, ни радиопередачи, не найдешь и статьи в местной газете.

Одной из важных форм воспитания молодежи является пропаганда культурного наследия замечательных людей, примеров их бескорыстного служения народу. Такая пропаганда не может не оказать самого благотворного влияния на формирование характера молодых людей. Почему в Донбассе так редко вспоминают имена и дела замечательных русских деятелей прошлого? Почему Сталинское областное издательство до сих пор не выпустило ни одной монографии, посвященной именитым землякам? Почему очерки о них не находят места на страницах альманаха «Литературный Донбасс»? Это тем более достойно удивления, что еще живы люди, которые хорошо помнят Курако, Лутугина, Бокя и могут сообщить о них ценные сведения.

Правда, газета «Комсомолец Донбасса» в прошлом году напечатала серию статей о замечательных земляках. Но этого мало. На шахты, заводы, новостройки Донбасса ежегодно приходят десятки тысяч молодых рабочих, которых надо воспитать в духе любви к родному краю, к тем местам, где им предстоит жить и работать.

Алексей ИОНОВ,
корреспондент «Литературной газеты»

СТАЛИНО

Новые литературные музеи

ОРЕЛ. (Наш корр.) После капитального ремонта вновь открылся литературный отдел музея И. С. Тургенева, созданный в 1918 году. С гордостью и волнением посетители музея читают проникновенные слова писателя-патриота, высеченные на мраморе: «В русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития».

Бытовой отдел посвящен жизни И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове. В залах музея точно воспроизведена обстановка большой гостиной, столовой, малой гостиной, библиотеки и кабинета-спальни писателя. В малой гостиной стоит диван «самосяд», описанный И. С. Тургеневым в романе «Накануне», и шахматный стол, за которым Иван Сергеевич играл в шахматы с Л. Н. Толстым. Привлекают внимание посетителя больше часы, показывающие время, число и месяц, — они упоминаются в повести «Бригадир».

САГУРАМО (Грузинская ССР). На днях состоялось открытие дома-музея классика грузинской литературы, выдающегося деятеля национально-освободительного движения в Грузии И. Чавчавадзе.

В трехэтажном здании, где жил и творил писатель, собраны материалы, рассказывающие о его творчестве и общественной деятельности.

Театр народного творчества в Харькове

ХАРЬКОВ. (Наш корр.) Два года назад в Харькове и районах области было создано кружок художественной самодеятельности, в которых принимало участие свыше 32.000 человек. В следующем году число участников самодеятельности увеличилось уже до 40.000.

Прошлым летом в разных районах области были народные праздники песни и пляски. В них принимали участие многочисленные хоры и оркестры. Только в нескольких последних месяцах самодеятельные коллективы дали свыше 10.000 концертов, на которых присутствовали сотни тысяч человек.

Теперь в Харькове решено создать театр народного творчества.

На сцене этого театра будут выступать лучшие самодеятельные коллективы города и области, а также отдельные наиболее талантливые исполнители. Им будут помогать опытные режиссеры, артисты, музыканты и балетмейстеры. Опыт этих коллективов будет использован остальными кружками художественной самодеятельности области.

Театр народного творчества будет открыт в дни декады украинского искусства и литературы в Москве. Сейчас самодеятельные коллективы готовят специальные концерты, посвященные этому большому событию в культурной жизни Украины.

Труды по истории латышской литературы

РИГА. (Наш корр.) На очередном заседании Президиума Академии наук Латвийской ССР обсуждался вопрос о выпуске трудов по истории латышской литературы. Впервые в свет первый том критических работ А. Улманя «Латышская литература», охватывающий период с девяностых годов прошлого столетия до 1905 года включительно. Автор анализирует произведения и творческую работу Я. Райниса, Э. Вейленбаума, Р. Блаумана, Э. Биранке-Улмана и других первых представителей реалистического направления в латышской литературе.

В готовящемся к изданию втором томе (период с 1906 по 1940 г.) А. Улит подробно пишет о творчестве прогрессивных революционных писателей Латвии — Леона Павлея, Яна Судрабальна, разоблачает буржуазных националистов, декадентов, формалистов, носителей идей космополитизма, наславших свои взгляды в угоду господствующей в буржуазной Латвии клике.

Над третьим томом, посвященным латышской советской литературе, работает коллектив авторов — сотрудники Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР. В этом томе будут статьи о творчестве А. Улманя, Я. Судрабальна, В. Лайса, А. Саксе, А. Григуляса, А. Вальдеса, В. Лукса и других латышских писателей. Полностью работа над этой книгой будет закончена в 1953 году.

Президиум Академии наук Латвийской ССР отметил, что необходимо более успешно и интенсивно вести работу над созданием истории латышской литературы и особенно над третьим томом, посвященным развитию и росту советской латышской литературы.

Китайские и польские кинофильмы на экранах страны

На экраны кинотеатров страны вышел польский художественный фильм «Варшавская прелесть». В Москве он идет одновременно в двадцати лучших залах и тем самым встречает зрителей. Фильм поставлен режиссером Яном Рыбковским по сценарию, написанному им совместно со Станиславом Ружевичем (по сюжету Мары Жемской). В нем рассказывается о борьбе польской прогрессивной общественности за постановку на сцене Варшавского оперного театра первой национальной оперы «Галька», написанной выдающимся польским композитором Станиславом Монюшкой. Времья действия — середина прошлого века.

С большим успехом демонстрируются два других польских фильма «Мир победит во всем мире» и «Непокоренный город». Первый из них посвящен работе Второго Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве, второй — мужественным сынам польского народа, которые в 1944 году в Варшаве самоотверженно боролись с гитлеровскими оккупантами.

Многолюдную аудиторию собирает демонстрация ценного документального кинофильма «По волею Китая», выпущенного Центральным студией документальных фильмов в Москве и Пекинской киностудией. В сборнике — три киночерта: «По реке Янцзы», «В новом Шанхае» и «Ханчжоу — жемчужина Китая».

ПОДГОТОВКА ПРОДАВЦОВ КНИГ ДЛЯ СЕЛА

Президиум Центросоюза принял решение о подготовке продавцов книг для сельских магазинов. В нынешнем году будет подготовлено свыше 4 тысяч специалистов по продаже и пропаганде книг. Для продавцов районных и сельских магазинов организованы месячные курсы с отрывом от производства.

Шумы и деликатность

Многих читателей «Литературной газеты» задел за живое фельетон В. Дыховичного и М. Слободского «Тяжелый труд?» В редакцию приходят письма со всех концов страны: из Ленинграда, Киева, Базани, Махачкалы, с Дальнего Востока... Пишут люди самых различных профессий: техники и учителя, врачи и библиотекари, инженеры и писатели. Пишут не только о шумах, но и о выхлопных газах автомобилей, о визжащих пружинах дверей, о вредности открытого электрического света. И эти отклики по поводу, казалось бы, затрагивающему уже не столь широкие круги населения, говорят о многом. Изменялось сознание людей: то, на что до революции просто не обращали внимания, теперь у каждого вызывает желание по-хозяйски вмешаться. Естественно и закономерно желание советских людей улучшить нашу жизнь и в бытовом отношении, сделать ее еще более здоровой, культурной, красивой. Мы идем к коммунизму, и с каждым новым шагом вперед растет творческая инициатива масс.

И подобно тому, как на заводах и стройках ширится поток рациональных предложений, стихающимся изобретательским, так ныне в быту начинает расти волна творческой самостоятельности за то, чтобы поднять культуру нашего социалистического общества.

Письма читателей, вызванные фельетоном, можно разделить на две категории. Одни жалуются на обилие шумов индустриальных и городских. Другие направляют свой гнев в адрес предложения против шумов бытовых.

Начнем с первых. Большой город шумит. Это верно. Это — наследие той архитектурной и индустриальной анархии, которую капитализм залопотал построенные им города. Маяковский писал в одном из своих стихотворений 1913 года «Шумки, шумки и шумки», что в старом ка-

питалистическом городе «шоропом шум на парство базаров». И в этом отношении нашей Москве досталось немалое наследство.

Было бы неправильно считать, что в борьбе с индустриальными шумами мало делается и сделано. Но еще неправильней считать, что уже сделано все. Асфальтирование улиц, замена трамвайных линий троллейбусными, массовые посадки деревьев, перевод некоторых предприятий за городскую черту и другие подобные меры — это все направлено на смягчение индустриальных шумов города. Но на некоторых участках столицы индустриальные шумы еще настолько велики, что составляют определенную помеху в жизни населения. Например, доктор химических наук тов. Чумов пишет, что у него в квартире еще дрожит от работы соседнего завода. Это серьезно мешает ученому. Видно, исполком районного Совета не сумел похозяйски, по-государственному принять меры, чтобы опрашивать жителей от подобного рода шумов. Но, скажем прямо, далеко не всегда государственные интересы позволяют нам расчертить пера — «закрыть завод!» — сразу устранить помеху, мешающую людям в их быту. Тут потребуются известные время. Тов. Калабин, живущий в Москве, на 2-й Брестской улице, пишет, что он страдает от шума бесконечного потока грузовиков, идущих по этой улице. Ну, а по какой улице их направляет? Ино, что сразу, одновременно во всех районах погасить индустриальные шумы не удастся. Для этого нужна систематическая, планомерная, целенаправленная работа.

Какая работа, какого учреждения? Читатели предлагают в больших городах, и прежде всего в Москве при Моссовете, создать такой орган, который вел бы всеми вопросами борьбы с индустриальными шумами. И не только оперативно, но и в перспективном плане, рассчитанном на ряд лет.

Инженер-механик тов. Ковеняцкий в своем письме в редакцию ставит перед Министерством автомобильного транспорта РСФСР, Министерством аэроавиа-

1. Композиция

Ожидание обсуждения читателей вызывает вопрос «насекающей» повести и романа. Можно или нельзя писать роман или повесть на современном материале, обходясь малым количеством действующих лиц? Не интереснее ли то, что звучит «сильно», следует согласиться с тем, что каждое лицо должно быть необходимым в романе, — пишет читатель Н. Лицинский. — А какое количество действующих лиц — это необходимость, — дело автора. Иные также, что если автор не ремесленник, а настоящий художник, то количество действующих лиц в его романе или повести будет минимально необходимым.

«Повесть о настоящем человеке» Е. Погодина приводит в пример многим читателям, отбрасывающим возможность создания произведения, посвященного в основном одному герою. Другие читатели справедливо говорят, что Мересьев вовсе не единственный герой этой книги. Возвращаясь к А. Журбинскому, писателю которого было опубликовано в «Литературной газете», И. Ильин пишет: «Странно, товарищ Журбинский, как вы могли не заметить людей, окружающих Мересьева, благодаря которым он стал настоящим человеком. Мог ли Мересьев стать тем, кем стал, если бы не было дела Михаила, Героя Советского Союза Гвоздева, Степана Ивановича (соседа по войне), подпольного комиссара Воробьева, профессора Василия Васильевича?»

Читатель П. Ешурнов справедливо напоминает спорящим сторонам, что дело не в числе героев, а в том месте, которое им отводится в произведении. «Художественная целостность произведения», — пишет он, — зависит от количества действующих лиц. Весь вопрос в том, как их, этих героев, изобразить в произведении, чтобы они заняли свои места так же, как они занимали их в жизни. В произведении все герои должны быть не могут. Есть главные действующие лица, их обычно немного, и есть второстепенные, «сладкое» действующие лица. Их может быть много. Вот провести грань между главными действующими лицами и второстепенными — дело мастерства писателя.

Читательница Н. Инончун подчеркивает, что правильное требование естественности сюжета нельзя отождествлять с требованием бесконечности. В одной из статей о мастерстве приводились слова А. М. Горького: «Плана никогда не делают, план создается сам собою в процессе работы, его выработывают сами герои». «Думаю», — пишет читательница, — что А. М. Горький не делал плана потому, что со временем, волнуясь автор идеи определял каждому свое место в развитии действия. Между тем иногда получается, что автор надеется на героев, а герои — на автора. В результате — без домашнего очага. «Если идея созрела», — пишет далее Н. Инончун, — если самого автора она горючо волнует, если он естествен, то идея же подкажет, каково должно быть количество действующих лиц, каковы должны быть эти лица и сюжет, ибо, по словам Белинского, событие разворачивается из идеи, как растение из зерна.

«По форме и по содержанию произведение должно быть стройно», — говорится в письме М. Лесного. — Это внешнее и внутреннее единство достигается художественным «фокусом». Подобно тому, как в оптическом фокусе световые лучи собираются в одну точку, так и в произведении все средства художественного отображения жизни должны быть направлены в одну точку — к раскрытию основного замысла автора, т. е. идеи произведения.

Очень важна в произведении концовка — заключительный аккорд, последняя меткая фраза, заканчивающая сюжетную линию.

Статьи писателей по вопросам литературного мастерства, опубликованные в «Литературной газете», вызвали оживленные отзывы читателей. Редакция получила и продолжает получать сотни читательских писем. Пишут педагоги, инженеры, библиотекари, студенты, рабочие, колхозники, военнослужащие.

Вопросы художественной формы, которые на первый взгляд, могут показаться узкопрофессиональными, по-настоящему волнуют самые широкие круги читателей. Вот почему советские люди активно, заинтересованно, со знанием дела продолжают разговор о мастерстве.

Писательское мастерство большинство читателей рассматривает в неразрывной связи с необходимостью глубокого, дополнительного знания жизни. Геолог П. Руденко поднимает свой голос против таких книг, в которых читатель сразу распознает: вот это — «от жизни», а вот это — «от автора». В хорошей книге все должно быть «от жизни» и тогда все будет «от автора». В то же время читатели возражают против примитивного отождествления «натур» с произведением искусства. «Конечно», — пишет читатель В. Чижик из Симферополя, — пользоваться натурой — вовсе не значит копировать ее, т. е. списывать все, что попадается на глаза. Художественная правда скрывается не в деталях, а в их осмыслении. Поэтому, выбирая материал, нужно уметь находить главное, колоритное, наиболее характерное. В этом и есть мастерство художника.

«Жизнь так быстро движется вперед», — пишет инженер Н. Андрияшко (Красноярский край) — что за ней едва успеваешь. Нужно следить за своей работой, за передовыми открытиями в своей области, а тут, смотришь, все время возникает что-то новое. Дискуссия о языке, об участии И. Павлова, открытие О. Лепешинской, лесные полосы, гигантские гидроэлектростанции — как это все захватывающе интересно! В таких условиях писательский труд — очень ответственная работа. Даже если у писателя есть большой талант, он должен много трудиться, чтобы воплотить в своих произведениях это огромное многообразие. Ведь читатель не только любителю литературы, он в первую очередь гражданин Советской Родины, участник ее дела. Великая благодарность будет писателям, если они сумеют передать богатство и увлекательность нашей жизни».

Читатель хорошо понимает, что мастерство для настоящего писателя — не самоцель, а средство. Столяр Одесской мебельной фабрики В. Талалов напоминает о нем, давая Лыком Толстым одному из писателей: «Так мастерски, что не видишь мастерства». Читатель книги, заключает В. Талалов, — мы тоже хотим «не видеть» мастерства, мы хотим видеть саму жизнь».

Среди многих вопросов литературного мастерства, затронутых в читательских письмах, центральное место занимают три — о композиции художественного произведения, о языке, об образе положительного героя.

2. Язык и характер

Многие читательские письма посвящены вопросам языка литературных произведений. Огромную роль в этом сыграли гениальные труды товарища Сталина по вопросам языка, которые помогли читателям глубоко осмыслить свои требования к литературе.

Библиотекарь Е. Полунин (г. Троицк, Челябинской обл.) сравнивает небрежность, встречающуюся в языке интересных, хороших книг, с сорной травой. «Идешь иногда по степи, смотришь на золотистую пшеницу и замечаешь вдруг, как много среди драгоценных колосьев сорняков. И такая злость берет, так бы и вырвал их своими руками. Такое вот ощущение бывает, когда читаешь некоторые книги. Приведу пример: роман А. Володина «Земля Кузнецкая». Читаю: «...надышавшись вьюлой уругрум ветром...» Переворачиваю страницу: «...В открытые окна вырывалась тугой чистый ветер...». Гм, то уругрум, то тугой. Через несколько страниц опять «...уругрум ветер заносил на сторону». А когда на этой же странице от героя романа «пахнет ветром», становится досадно — опять ветер? Еще не исчезла эта мысль, а автор тут же предлагает: «...лавый похолом, подышим ветер...». Здесь уж читатель терпится. Да что же это такое, автору ветер? На этой же странице «...горы и снова ветер, ветер...» Все это, может быть, мелочи, но они досаждают. Это сорняки, которые нарушают удовольствие при чтении хорошей, интересной книги».

Восторга против искажения и загромождения русского языка, читатели делают от калого бы то ни было ханжеского пурима. Она — а богатый, индийский язык литературных героев.

Читатель А. Осиповский, критикуя язык некоторых книг, отмечает, что зачастую «прозрачные, канцелярские, измороженые, прилизанные, ханжеские стереотипы вытесняют из книг ярок народное слово. Слишком малую толку берут молодые писатели из сокровищ народной речи — этого живительного источника художественной литературы. В произведениях наших дней редко встречаются бойкие народные шутки, остроты, загадки, потешные песни, прибаутки, поговорки, присказки, каламбуры, афоризмы, «крылатые» слова — словом, вся та многоцветная языковая россыпь, которая украшает книги».

А. Осиповский возражает против тех, кто смеиваясь над чуждым русскому языку с пуримом. «Говоря о борьбе Горького за чистоту литературного языка, пуриты замалчивают одно очень важное обстоятельство: Алексей Максимович не ополчался решительно против всех славнизмов, диалектизмов, архаизмов и библенизмов, но, следуя за Пушкиным, учил писателей применять их целесообразно, с чувством меры, в отбор и обработку». Горький воевал лишь против грубого словесного натурализма.

В превосходной «Повести о детстве» Ф. Гладкова немало архаизмов, диалектизмов, славянизмов. Однако никто не скажет, что «Повесть о детстве» написана плохим или устаревшим языком.

Борьба за чистоту русского языка отнюдь не означает изгнания из него живого простонародного слова. Народная речь — живительный источник художественной литературы. Пусть же советские писатели как можно больше добавят руды устной речи и выплавляют из нее чистейший металл живого и сильного литературного языка».

3. Любимый герой

Сравнение на передовых — закон нашего времени. Вот почему для советского читателя вопрос о положении в литературе образа передового человека — вопрос насущно и жизненно важный.

Сидор Кузнец не конструктор и не инженер. В прошлом крестьянин-бедняк, он в течение долгих лет был бесземным председателем колхоза. Как и всякий колхозник, он знает, как облагать труд хлеборобов. Вместе с колхозниками Кузнецам, которых ушли когда-то Ленинградский мастер, приехавший сюда двести пятидесятых, Сидор Кузнец сконструировал селалку для кон-сарьга, потом культуризатор.

Украинский крестьянин в прошлом знал плуг, а в лучшем случае — конную молотилку. Украинский колхозник знает комбайн, трактор, электромолот и о термической обработке металла рассказывает так же уверенно, как раньше говорил о выделке деревянных ложек.

И когда перед квалифицированной комиссией в Москве Сидор Кузнец демонстрировал чертеж изобретенной им вместе с колхозниками селалки, члены комиссии не давали изобретателю сидеть. Они внимательно и требовательно относились к каждому выводу. И типично признали за новой конструкцией селалки все достоинства: экономность, высокую производительность и простоту производства.

Перескажем кратко третья биография: колхозники из Закарпатья, Терезия Габовца. Автор очерка о ней Микола Шумило рассказывает, что до воссоединения Закарпатья, этой древней и многострадальной украинской земли, с центральными частями Украины, — Терезия Габовца была... плакательницей. Она оплакивала умерших, а ее муж кончал для них могилы. К столь странному с нашей точки зрения занятию, Терезию Габовцу привели голод и яшпета, выбравшись из которых у нее не было никаких надежд.

Сейчас Терезия Габовца — знатный человек. Окончив агрономическую школу,

— Что такое положительный герой? — спрашивает читатель В. Ильинич из Купяны. — Положительный герой, думаю, некоторые, должны быть выверены широким и линейкой. Положительный герой, конечно, бросает окурки лишь в урну, выходит из помещения, всегда, во всех случаях жизни, гасит свет. Он, бесспорно, и ходит в театр, и слушает симфоническую музыку, и увлекается балетом, и читает стихи, и, без великого сомнения, любит футбол. — Если бы (нет, мы боялись даже предположить это!), если бы он не любил футбол, то, по мнению некоторых, миллионы «бродячих» в один голос воскликнули бы: «отрицательный герой!»

Зао вымысел примитивное и ханжеское представление об идеальном герое, читатель В. Ильинич так отвечает на поставленный им перед собой вопрос, «Чтобы судить о человеке, советском человеке, надо прежде всего знать, какое участие он принимает в строительстве коммунизма. Положительный герой — это активный строитель коммунизма, отдающий достижениям этой цели все свои помыслы и весь свой труд; это человек, ищущий вперед, направляющий свою волю и творческую энергию на быстрое осуществление великих планов строительства и лежащий на этом пути все преграды».

Читатель хочет видеть, как герой становится героем, как и как закалиется сталь, как воспитываются в нем живые, замечательные, достойные подражания черты. Педагог Л. Беспально выступает против героя, которого преподносится читателю «в готовом виде», которые сходат с последней странички романа такими же, какими появились на первой.

«Плохую услугу оказывает критика литературы, жизни, ориентированная на создание идеальных образов», — пишет педагог С. Ильин из Краснодарского края. «Писатели привыкают пользоваться шаблоном, в книгах появляются плоские, схематичные образы».

С. Ильин говорит о неудачных образах партийных руководителей в некоторых книгах. Он считает, что причина этих неудач — в стремлении писателей показать героя, совершенно уже сложившимся и потому не рождающимся в произведении.

Многие письма направлены против снисходительной терпимости иных писателей к недостаткам и ошибкам своих героев. Читатель Л. Клецкий считает, что неверно, когда писатель говорит нам о своих героях: «Они в общем люди хорошие, настоящие. Ну, а недостатки в их характере...». Что же? У кого их нет? Показал ту или иную отрицательную черту (тем более серьезную!), художник не имеет права не высказать своего четкого и решительного осуждения этой черты... Пусть читатель увидит, что герой борется с этими недостатками и побеждает их. Если нет в книге этой борьбы, то, вопреки воле писателя, его произведение терпит самое главное: воспитательное значение».

С. Монононов пишет: «Главное не в том, имеются ли у героя произведения некоторые отрицательные черты или он весь соткан только из положительных качеств. Главное в том, движется ли он вперед или застыл на месте, борется ли он против своих недостатков или кичится ими, растет он или пятится назад».

В этом обзоре мы упомянули лишь о небольшой части читательских писем, посвященных вопросам мастерства. Активное участие читателей в обсуждении насущных проблем литературного мастерства — яркое свидетельство кропотливой заинтересованности советских людей в дальнейшем идейно-художественном совершенствовании нашей литературы».

ЛЕНИНГРАД, 6 июня. (Наш корр.). Сегодня в Большом конференц-зале Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом) открылась третья Всесоюзная пушкинская конференция. В работах конференции участвуют ученые Москвы, Ленинграда, Харькова, Одессы, Владивостока, Ташкента и других городов страны.

Конференцию открыл директор Института русской литературы Академии наук СССР проф. М. Бельчиков. В своем выступлении он подчеркнул, что огромное значение, какое имеют гениальные труды И. В. Сталина в области языкознания для советского литературоведения и, в частности, для исследователей творчества А. С. Пушкина.

Зао вымысел примитивное и ханжеское представление об идеальном герое, читатель В. Ильинич так отвечает на поставленный им перед собой вопрос, «Чтобы судить о человеке, советском человеке, надо прежде всего знать, какое участие он принимает в строительстве коммунизма. Положительный герой — это активный строитель коммунизма, отдающий достижениям этой цели все свои помыслы и весь свой труд; это человек, ищущий вперед, направляющий свою волю и творческую энергию на быстрое осуществление великих планов строительства и лежащий на этом пути все преграды».

Читатель хочет видеть, как герой становится героем, как и как закалиется сталь, как воспитываются в нем живые, замечательные, достойные подражания черты. Педагог Л. Беспально выступает против героя, которого преподносится читателю «в готовом виде», которые сходат с последней странички романа такими же, какими появились на первой.

«Плохую услугу оказывает критика литературы, жизни, ориентированная на создание идеальных образов», — пишет педагог С. Ильин из Краснодарского края. «Писатели привыкают пользоваться шаблоном, в книгах появляются плоские, схематичные образы».

С. Ильин говорит о неудачных образах партийных руководителей в некоторых книгах. Он считает, что причина этих неудач — в стремлении писателей показать героя, совершенно уже сложившимся и потому не рождающимся в произведении.

Многие письма направлены против снисходительной терпимости иных писателей к недостаткам и ошибкам своих героев. Читатель Л. Клецкий считает, что неверно, когда писатель говорит нам о своих героях: «Они в общем люди хорошие, настоящие. Ну, а недостатки в их характере...». Что же? У кого их нет? Показал ту или иную отрицательную черту (тем более серьезную!), художник не имеет права не высказать своего четкого и решительного осуждения этой черты... Пусть читатель увидит, что герой борется с этими недостатками и побеждает их. Если нет в книге этой борьбы, то, вопреки воле писателя, его произведение терпит самое главное: воспитательное значение».

С. Монононов пишет: «Главное не в том, имеются ли у героя произведения некоторые отрицательные черты или он весь соткан только из положительных качеств. Главное в том, движется ли он вперед или застыл на месте, борется ли он против своих недостатков или кичится ими, растет он или пятится назад».

В этом обзоре мы упомянули лишь о небольшой части читательских писем, посвященных вопросам мастерства. Активное участие читателей в обсуждении насущных проблем литературного мастерства — яркое свидетельство кропотливой заинтересованности советских людей в дальнейшем идейно-художественном совершенствовании нашей литературы».

Умер Николай Леонтьевич Бродский, член Союза советских писателей, один из выдающихся ученых-литературоведов, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, действительный член Академии педагогических наук РСФСР.

В лице Н. Л. Бродского советская наука потеряла крупнейшего специалиста по истории русской литературы, русской общественной мысли и театра, прекрасного педагога, отдавшего 50 лет своей жизни высшей школе.

Ученый, сформировавшийся в дореволюционные годы, Н. Л. Бродский вел упорную борьбу с идеалистической критикой, отстаивая великие традиции русской классической литературы, выступая против попыток реакционеров «развенчать» Белинского и Чернышевского.

С первых лет советской власти Н. Л. Бродский целиком отдался делу строительства социалистической культуры. Профессор Московского университета и других высших учебных заведений, он создал ряд исследований по истории литературы и театра, получивших широкую известность. Его талантливые книги о Пушкиле, Лермонтове, Тургеневе, многочисленные работы, посвященные великим русским революционно-демократическим критикам, являлись ценным вкладом в советскую науку о литературе.

Свои знания, свой богатейший опыт Н. Л. Бродский отдал воспитанию большого отряда советских филологов. Н. Л. Бродский был составителем и редактором программ, хрестоматий и учебников по русской литературе для средней и высшей школы, по которым обучалось не одно поколение нашей молодежи. Блестящий лектор-популяризатор, он пользовался заслуженной любовью многочисленных аудиторий слушателей, перед которыми он выступал не только в Москве, но и во многих городах нашей страны.

Передовое советское ученого Н. Л. Бродского отдала высокая принципиальность, требовательность к себе и товарищам. Ученый-новатор, он не мыслит своей исследовательской работу вне связи с актуальными проблемами советской культуры, постоянно помня о высоких требованиях, которые наш народ предъявляет к науке.

Плодотворную научную работу Н. Л. Бродский всегда сочетал с активной общественной деятельностью: он принимал непосредственное участие в работе художественных советов театральных коллективов и вилостудий, помогая деятелям советского искусства воплотить на сцене и экране бессмертные образы русской классики.

Н. Л. Бродский был вдохновенным пропагандистом великого культурного наследия русского народа, пламенным патриотом, борюимся за мир — участником всевозможных конференций в защиту мира. Советское правительство высоко оценило неутомимую и плодотворную научно-общественную деятельность Н. Л. Бродского, наградив его орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Светлая память о Николае Леонтьевиче Бродском — талантливом ученом и замечательном человеке — будет жить в сердцах его многочисленных друзей, учеников и читателей.

А. Фалеев, И. А. Канров, В. В. Виноградов, К. М. Симоненко, А. А. Сурков, Ф. В. Гладков, М. С. Елагин, А. Ф. Корнейчук, А. М. Ерошин, М. К. Добрынин, Якуб Колас, С. Чикован, Д. Д. Благой, С. М. Петров, А. Ф. Ивашкин, Л. И. Тимофеев, Айбек, М. Ибрагимов, И. Тузов, М. Б. Храпченко, И. Н. Розанов, Н. Л. Степанов, А. Ф. Силкин, В. С. Нечасова, Н. Ф. Бельчиков, Н. К. Писанский, А. П. Алексеев, А. И. Велеский, Л. С. Пономарев, Н. К. Гузский, Л. С. Мясников, Б. И. Бурлюк, Е. Н. Михайлова, В. В. Гудовик, Е. А. Боголюбов, А. К. Голуб, И. В. Сергиевский, И. В. Шамолин, У. А. Гуральник, А. Г. Сейтлин, Б. В. Михайловский.

Материалы эти доселе не были изучены, а между тем они представляют очень большой интерес для всех исследователей творчества Пушкина и особенно для исследователей его поэтического языка.

Затем был заслушан доклад кандидата филологических наук Б. Городницкого, посвященный проблемам изучения творчества Пушкина в средней школе.

Конференция продлится пять дней. Завтра на заседаниях педагогической и переводческой секций будет заслушан ряд сообщений и докладов ленинградских и московских преподавателей средних школ, переводчиков, работавших над переводами произведений А. С. Пушкина на языки народов СССР и стран народной демократии.

А. ПОЛОВНИКОВ

Н. Л. БРОДСКИЙ

Умер Николай Леонтьевич Бродский, член Союза советских писателей, один из выдающихся ученых-литературоведов, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, действительный член Академии педагогических наук РСФСР.

В лице Н. Л. Бродского советская наука потеряла крупнейшего специалиста по истории русской литературы, русской общественной мысли и театра, прекрасного педагога, отдавшего 50 лет своей жизни высшей школе.

Ученый, сформировавшийся в дореволюционные годы, Н. Л. Бродский вел упорную борьбу с идеалистической критикой, отстаивая великие традиции русской классической литературы, выступая против попыток реакционеров «развенчать» Белинского и Чернышевского.

С первых лет советской власти Н. Л. Бродский целиком отдался делу строительства социалистической культуры. Профессор Московского университета и других высших учебных заведений, он создал ряд исследований по истории литературы и театра, получивших широкую известность. Его талантливые книги о Пушкиле, Лермонтове, Тургеневе, многочисленные работы, посвященные великим русским революционно-демократическим критикам, являлись ценным вкладом в советскую науку о литературе.

Свои знания, свой богатейший опыт Н. Л. Бродский отдал воспитанию большого отряда советских филологов. Н. Л. Бродский был составителем и редактором программ, хрестоматий и учебников по русской литературе для средней и высшей школы, по которым обучалось не одно поколение нашей молодежи. Блестящий лектор-популяризатор, он пользовался заслуженной любовью многочисленных аудиторий слушателей, перед которыми он выступал не только в Москве, но и во многих городах нашей страны.

Передовое советское ученого Н. Л. Бродского отдала высокая принципиальность, требовательность к себе и товарищам. Ученый-новатор, он не мыслит своей исследовательской работу вне связи с актуальными проблемами советской культуры, постоянно помня о высоких требованиях, которые наш народ предъявляет к науке.

Плодотворную научную работу Н. Л. Бродский всегда сочетал с активной общественной деятельностью: он принимал непосредственное участие в работе художественных советов театральных коллективов и вилостудий, помогая деятелям советского искусства воплотить на сцене и экране бессмертные образы русской классики.

Н. Л. Бродский был вдохновенным пропагандистом великого культурного наследия русского народа, пламенным патриотом, борюимся за мир — участником всевозможных конференций в защиту мира. Советское правительство высоко оценило неутомимую и плодотворную научно-общественную деятельность Н. Л. Бродского, наградив его орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Светлая память о Николае Леонтьевиче Бродском — талантливом ученом и замечательном человеке — будет жить в сердцах его многочисленных друзей, учеников и читателей.

А. Фалеев, И. А. Канров, В. В. Виноградов, К. М. Симоненко, А. А. Сурков, Ф. В. Гладков, М. С. Елагин, А. Ф. Корнейчук, А. М. Ерошин, М. К. Добрынин, Якуб Колас, С. Чикован, Д. Д. Благой, С. М. Петров, А. Ф. Ивашкин, Л. И. Тимофеев, Айбек, М. Ибрагимов, И. Тузов, М. Б. Храпченко, И. Н. Розанов, Н. Л. Степанов, А. Ф. Силкин, В. С. Нечасова, Н. Ф. Бельчиков, Н. К. Писанский, А. П. Алексеев, А. И. Велеский, Л. С. Пономарев, Н. К. Гузский, Л. С. Мясников, Б. И. Бурлюк, Е. Н. Михайлова, В. В. Гудовик, Е. А. Боголюбов, А. К. Голуб, И. В. Сергиевский, И. В. Шамолин, У. А. Гуральник, А. Г. Сейтлин, Б. В. Михайловский.

Материалы эти доселе не были изучены, а между тем они представляют очень большой интерес для всех исследователей творчества Пушкина и особенно для исследователей его поэтического языка.

Затем был заслушан доклад кандидата филологических наук Б. Городницкого, посвященный проблемам изучения творчества Пушкина в средней школе.

Конференция продлится пять дней. Завтра на заседаниях педагогической и переводческой секций будет заслушан ряд сообщений и докладов ленинградских и московских преподавателей средних школ, переводчиков, работавших над переводами произведений А. С. Пушкина на языки народов СССР и стран народной демократии.

А. ПОЛОВНИКОВ

О литературном портрете

На творческой конференции очеркистов Украины при обсуждении произведений, вышедших в 1950 году, возник вопрос: почему многочисленные книжки, написанные в свое время о зашевале Стахановского движения, бесседно исцеляли с библиотечных полоз и забыты читателями? А ведь так много книжек написано множество. Только Алексею Стаханову и Марии Демченко очеркисты посвящали несколько десятков книг. К тому же авторами многих из них были лучшие очеркисты.

И вот прошло не так уж много лет. Дело, начатое Стахановым и Демченко, растет и развивается, но ни одна книга о них не выдержала испытания временем.

Вопрос этот возник не случайно. В украинской очерковой литературе самым распространенным жанром является очерк-портрет. Только в декаде украинского искусства и литературы в Москве издаательства выпустили около двадцати книжек о знатных людях нашей республики.

Народ наш только что перевернул одну из блестящих страниц истории нашей Родины — страничку, на которой стоят цифры выполнения плана послевоенной пятилетки.

Последние пятьлетие можно описать день за днем, год за годом. Видлет огромный труд, воссоздавший восточную героическую картину того, как востановилась Украина, сожженная войной, усилием всех народов Советского Союза была поднята из руин и пожаров.

И есть другой путь изучения и познания нашего замечательного времени: овладеть с деятельностью и биографиями лучших людей современности, чьи имена стали неотъемлемыми от прошлого пятилетия, ибо цифры выполнения пятилетнего плана являются результатом творческих усилий всего народа и его лучших представителей.

Можно написать целую историю о том, как воссоздавали шахтеры свои затопленные шахты, заново вооружали их механизмами. И можно рассказать трудовую биографию шахтера Ермаола Жукова, — историю послевоенных лет его жизни, которая настолько связана с жизнью Донецкого бассейна, что в ней, как в

напале воды, отражены все главнейшие этапы восстановления и развития Всесоюзного котельника.

Когда еще на соседней шахте шел бой, у шахты «Смолянка 1—2» собралась немногочисленная группа стариков-шахтеров на главе с Ермаолаем Жуковым. Кто пришел в обшукон, кто с кайлом, кто с лопатой. Шахта была наполовну затоплена.

Писатель Петр Северов так рассказывает о первых шагах по восстановлению шахты:

«Жуков крепил оттопанное у завала пространство. Женщины подносили отсыпанный где-то на поверхности лес. Недалеко давалась каждая пара веревки: кровля оседала, дробилась, обвисала острями каменных глыб. Но крепь становилась уверенно и прочно, и Ермаола Семёнович не раз удивлялся тому, сколько он успевал сделать в течение смены... Впрочем, пропелтов никто не подсчитывает: бухгалтер и тот в эти дни азартно размахивал лопатой у вагонетки».

Прошло два года, и первоуровневая новейшей механизмами шахта стала давать куда больше угля, чем до войны, а Ермаола Жуков — учитель, наставник и друг молодого поколения шахтеров, Герой Социалистического Труда, обучивший более пятисот человек шахтерскому ремеслу, ревниво следит за каждым из шамеров. Советом и примером он помогает своим питомцам выполнять нормы доблести вое и вое против установленных.

Биография Ермаола Жукова — это биография Доббаса в миниатюре, и портрет старого шахтера, написанный мастерской рукой писателя, может стать историей всего угольного края.

Возьмем другую биографию: историю жизни лауреата Сталинской премии председателя колхоза им. Молотова, Черкасского района, на Киевщине, Сидора Кузнец, рассказанную писателем Иваном Шполю. Когда Сидор Кузнец возвратился после войны в родной колхоз, он не узнал его. Не узнал земли, когда-то выщепованной, удобренной, а теперь, покрытой сорняками, не узнал людей, преждевременно состарившихся и истощивших длительной голодовкой за годы оккупации, не узнал

самого колхоза, сожженного и лежавшего в руинах.

До войны славу колхоза составляли посевы новой для Украины культуры — кока-сарьга. Драгоценное растение — сырье для резиновой промышленности, никогда до тех пор не росшее на полях Украины, выкопанные колхозниками, стало давать урожай больше, чем на своей родине, — в Средней Азии. Но кока-сарьга требует больших работ, а следовательно, и много рабочей силы. Выращивание этой культуры — дело настолько новое, что наши конструкторы не успели еще придумать машин для ее обработки.

Сидор Кузнец не конструктор и не инженер. В прошлом крестьянин-бедняк, он в течение долгих лет был бесземным председателем колхоза. Как и всякий колхозник, он знает, как облагать труд хлеборобов. Вместе с колхозниками Кузнецам, которых ушли когда-то Ленинградский мастер, приехавший сюда двести пятидесятых, Сидор Кузнец сконструировал селалку для кон-сарьга, потом культуризатор.

Украинский крестьянин в прошлом знал плуг, а в лучшем случае — конную молотилку. Украинский колхозник знает комбайн, трактор, электромолот и о термической обработке металла рассказывает так же уверенно, как раньше говорил о выделке деревянных ложек.

И когда перед квалифицированной комиссией в Москве Сидор Кузнец демонстрировал чертеж изобретенной им вместе с колхозниками селалки, члены комиссии не давали изобретателю сидеть. Они внимательно и требовательно относились к каждому выводу. И типично признали за новой конструкцией селалки все достоинства: экономность, высокую производительность и простоту производства.

Перескажем кратко третья биография: колхозники из Закарпатья, Терезия Габовца. Автор очерка о ней Микола Шумило рассказывает, что до воссоединения Закарпатья, этой древней и многострадальной украинской земли, с центральными частями Украины, — Терезия Габовца была... плакательницей. Она оплакивала умерших, а ее муж кончал для них могилы. К столь странному с нашей точки зрения занятию, Терезию Габовцу привели голод и яшпета, выбравшись из которых у нее не было никаких надежд.

Сейчас Терезия Габовца — знатный человек. Окончив агрономическую школу,

она добилась мирового рекорда урожайности кукурузы, имеет сотни последователей и учеников во всех уголках Советского Союза, в ее хату пришла та зажиточность, когда голодное прошлое кажется далеким-далеким сном.

Можно написать толстую книгу о великом и радостном переосе в истории Закарпатья. И можно написать биографию Терезия Габовца. Правильно рассказанная жизнь этой женщины, которая обрела свое счастье, отразит историю всего народа, когда-то искусственно отделанного от великой родной семьи.

Но просто рассказывать биографию не значит еще создать очерк-портрет, в котором найдут свое выражение типичные черты человека нашего времени. А ведь только такая типичность может сделать портрет подлинно ярким и обелечить его долговечность. И здесь надо вспомнить о причинах, по которым позабылись многочисленные книжки, посвященные когда-то зашевалам стахановского движения.

Вновь перечитывая эти книги, убеждаешься, что большинство авторов с разной степенью добросовестности описывало процесс труда и Стаханова и Демченко. Но этим они и ограничили свою задачу. Авторы подробно рассказывали о том, сколько удобрили и в какие сроки внесла Демченко на свои поля, как подала, как копала и обрзала хорошо уродившуюся свеклу. Хота в очерках о Демченко можно встретить и хорошо написанные пейзажи, хотя в некоторых книжках о ней перепадали в легкой форме ее разговоры с родными и друзьями, — все же эти книги (по крайней мере наиболее добросовестные из них) могли бы заменить скучно написанные инструкции по выращиванию свеклы, но раскрыть образ человека и показать через этот образ влечательные черты времени они не могут. Ибо чувства и побуждения, которые руководили Марией Демченко, остались в книге «общими местами». Им посвящены т

АЛАНДСКИЕ ОСТРОВА

Принадлежащий Финляндии Аландский архипелаг в течение последних десятилетий является объектом империалистических интриг. Понять причину столь повышенного интереса агрессивных держав к этим островам трудно: Аландский архипелаг имеет важное стратегическое значение — он запирает вход и выход из Финского залива.

Захват Аландских островов всегда рассматривался германскими империалистами, как один из важных этапов пресловутой политики «дранг нах Osten» (схватка на Востоке). Когда в 1918 году в Финляндии к власти прорвались белогвардейцы, первым актом Маннергейма была передача островов немцам.

Поражение Германии в первой мировой войне вынудило немецких захватчиков покинуть архипелаг. Однако немаленькое население Аландских островов — англо-французские империалисты и их шведские сателлиты. Вдохновителей антисоветской интервенции Аландские острова интересовали в качестве удобного плацдарма для нападения на молодую советскую республику.

Под предлогом «окранный» шведской культуры и шведского языка, на котором говорит население Аландских островов, Финляндия был навязан специальный финско-шведский договор об административном статусе автономии Аландов под «патронатом» Лиги наций. Шестой параграф этого договора предусматривал возможность вмешательства Лиги наций, т. е. заправлявших там всеми делами англо-французских империалистов, в Аландские дела.

Советское правительство в ночь от 2 октября 1919 года и от 28 июня 1920 года заявило протест против решения вопроса об Аландских островах без его участия. «Правительство Великобритании, Франции, Италии, Японии и Северо-Американских Соединенных Штатов», указывалось в ноте Советского правительства, — принимая произвольно и собственной волею решение о судьбе Аландских островов, узурпируют власть, которая им не принадлежит.

Всякий раз, с тех пор, когда империалисты замыслили очередную агрессию против Советского Союза, аландский вопрос неизменно всплывал на поверхность. В январе 1939 года финские и шведские правительства объявили о своем намерении совместно укрепить Аландские острова. Соответствующая резолюция была принята правительством Чемберлена и Далайе в Совете Лиги наций. Однако решения по этому вопросу принято не было, так как Советский Союз возражал против отмены демилитаризации островов, введенной еще парижской конвенцией 1856 года.

Тем не менее реакционное правительство Финляндии начало незаконно возводить укрепления на Аландах.

После ликвидации антисоветского плацдарма на Карельском перешейке в 1939—40 гг. Финляндия заключила с Советским Союзом соглашение, по которому она была обязана демилитаризовать Аландские острова, укреплять их и не предоставлять их в распоряжение вооруженных сил других держав. Это соглашение было нарушено в результате вероломного нападения Финляндии в качестве гитлеровского сателлита на СССР в июне 1941 года. Мирный договор с Финляндией от 10 февраля 1947 года вновь подтвердил обязательство Финляндии о демилитаризации Аландского архипелага. Одновременно Мирный договор полностью восстановил финский суверенитет над Аландскими островами.

Но охотники за военно-морскими и военно-воздушными базами близ границ Советского Союза не хотят отказываться от «аландской карты». По наущению американских империалистов, в 1948 году правительство правого социал-демократа Фагерхольма был разработан проект нового статуса Аландов, опять-таки предусматривающий «международные гарантии» для архипелага.

Обсуждение законопроекта в сейме происходило уже после отставки правительства Фагерхольма. Уши американского империализма настолько явно торчали из предложений о «международных гарантиях», что премьер-министр Кекконен и министр иностранных дел Гартц потребовали в октябре 1950 года отмены этого параграфа, как несовместимого с суверенитетом Финляндии и Мирным договором. Однако под давлением американской агентуры реакционное большинство сейма в главе с правым социал-демократом и шведской «народной» партией решило переслать законопроект в комиссию для «дальнейшего изучения».

В конце мая этого года законопроект «международными гарантиями» вновь появился в повестке дня сейма. Уступая настойчивым требованиям финского народа, комиссия сейма после «мучительных» сомнений вынуждена была высказаться за аннулирование пункта о «международных гарантиях». На днях сейм приступит к рассмотрению законопроекта во втором чтении.

До окончания полномочий сейма нынешнего состава остались считанные дни. Американцы спешат. Они требуют, чтобы их агентура действовала активнее. И действительно, большинство министров — два от шведской «народной» партии и семь правых социал-демократов, как стало известно, ведут закулисные интриги за сохранение пресловутой «международных гарантий».

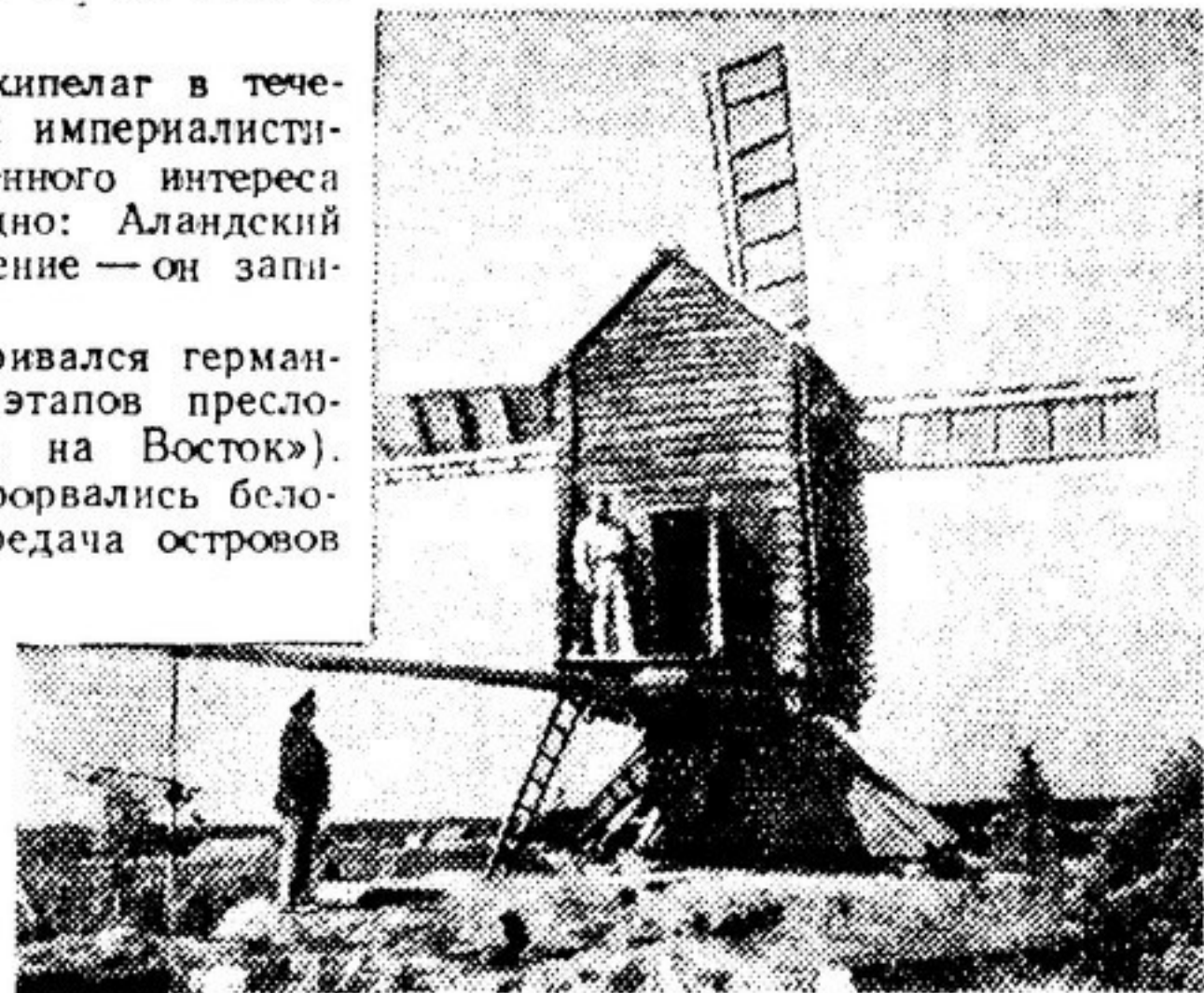
Подозрительная возня вокруг Аландского архипелага может быть выгодна только сторонникам втягивания Финляндии в авантюры, затеваемые руководителями агрессивного Атлантического пакта.

С. МАКСИМОВ

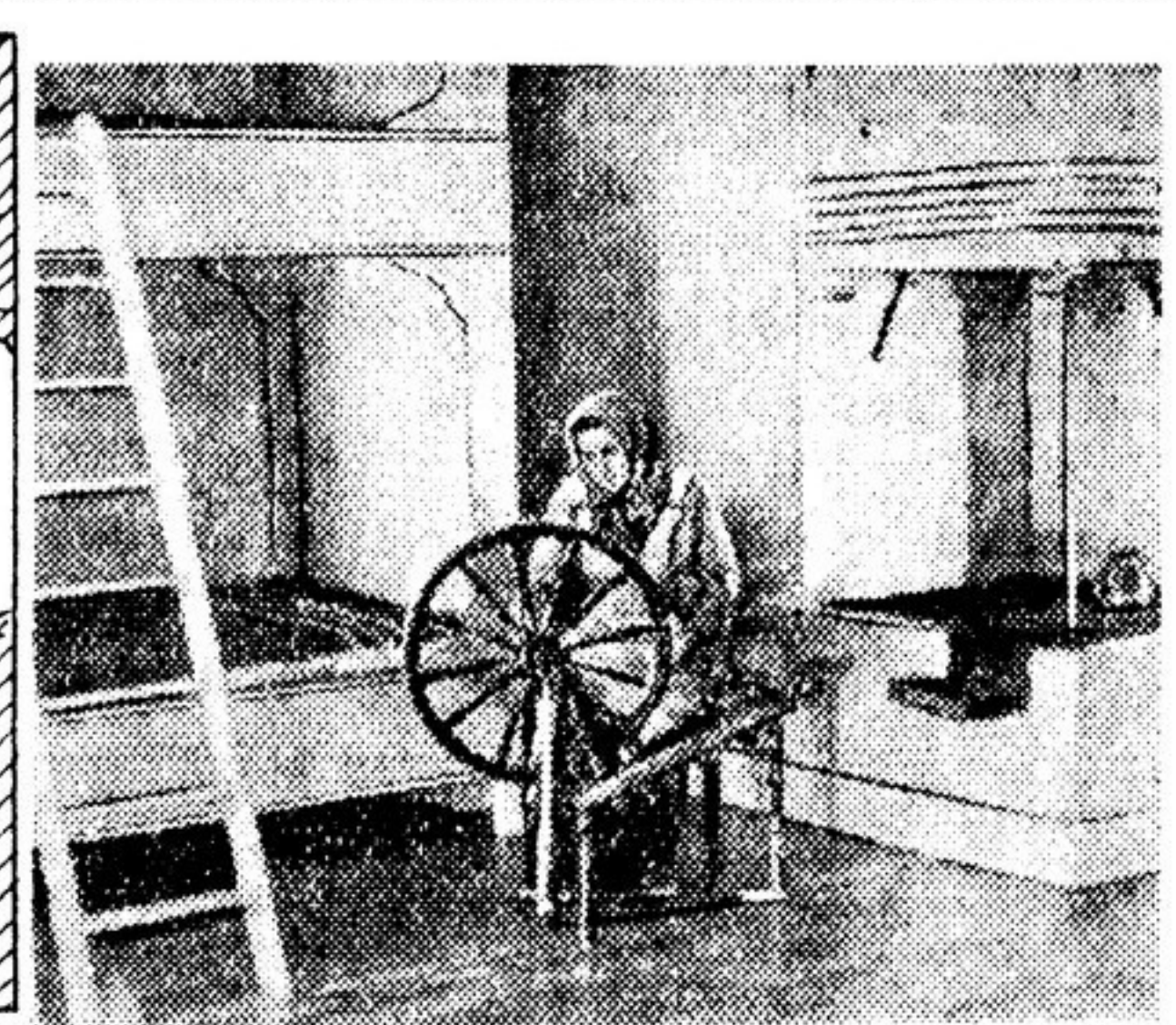
RÖSTA
För ditt demokratiska stöd till Aland
i ett demokratiskt Finland!

Плакаты, выпущенные демократическим союзом народа Финляндии в 1945 году в дни выборов в ландстинг — аландский сейм. Лозунг над рисунком гласит: «За демократическое самоуправление Аландов в составе демократической Финляндии».

АЛАНДСКИЕ ОСТРОВА СЕГОДНЯ. Немного изменилось в жизненном укладе аландских рыбаков и земледельцев за последние десятилетия. Их труд и быт все еще хранят отпечаток старины. СЛЕВА — ветряная мельница в районе Марнехамна — административного центра архипелага, состоящего более чем из шести с половиной тысяч островов. СПРАВА — дом аландского труженика с корабельной койкой и старинной прачкой. В ЦЕНТРЕ — карта Аландских островов.

Снимки из американского журнала «Нейшл джиднографик мэгэзин».

М. МАРКОВ

Мамору Сигемицу и его покровители

Басумигаэки — улица в Токио. Здесь находилось японское министерство иностранных дел, и потому его часто называли «Басумигаэки». Это звучало, как «Ба д'Орсе» или «Даунинг-стрит». Теперь название это мало что говорит, а само здание министерства сгорело во время войны и сейчас только отстраивается. Зато с некоторых пор широко известность приобрела тюрьма Сугамо. Бывший министр юстиции Мацузава, при котором она была построена, жаловался: знай он, что когда-нибудь сам окажется в сугамской тюрьме, он оборудовал бы ее более удобно. Впрочем, это уж чрезмерные претензии: серотбольные американские покровители и так превратили тюрьму Сугамо в уютное гнездышко для главарей японской военно-фашистской клики. Туда частенько заглядывали «для консультации» с военными преступниками и американские генералы, и японские правительственные чиновники. «Сугамская тюрьма» — это звучало почти как «Басумигаэки»...

Так было вчера. Не то сегодня. «Сановные птички» с радостным щебетанием вылетают из своих гнездышек одна за другой. Пустеют «министерские» и «дипломатические» камеры, а сугамский «снаторий» для военных преступников спешно переоборудуется в настоящую тюрьму — камеры заполняются борцами за мир, коммунистами и другими прогрессивными деятелями, «изобличенными» в патриотизме, демократических взглядах и тому подобным «преступлениях».

Тот тоже назывался Джон Фостер Даллес выехал на Дальний Восток со своей секретной военной приказ и дипломатический проект. Приказ гласил: базироваться на Японию, развязать вооруженную агрессию против Кореи, разгромить демократическую республику. Проект предусматривал: закрепить Японию с помощью сепаратного мирного договора за США в качестве колонии и постоянной военной базы. Ибо хозяева г-на Даллеса отводят этой стране отнюдь не эпизодическую роль в своих агрессивных планах.

К «консультациям» по поводу американского проекта были привлечены самые реакционные представители нынешней правящей клики Японии. Однако этих сотрудников — при всей их готовности к услугам — Вашингтон, как вышло, было мало или они оказались недостаточно надежными. Американские оккупационные власти в ускоренном порядке приступили поэтому к освобождению осужденных в свое время главных «спирок» японского империализма.

Незадолго до вторичного прибытия в Японию «мировотворца» Даллеса Макартур дорочно вынул из тюрьмы одного из главных военных преступников, бывшего японского министра иностранных дел Мамору Сигемицу: государственный департамент не мог обойтись без его услуг.

...Распахнулись дверь одной из самых комфортабельных «темици» — тюрьмы Сугамо в Токио, и за ее порог шагнул хромой старик. На императорской площадке он вышел из автомобиля, который ему любезно предоставили тюремные власти. Старик направился к императорскому дворцу, сердито помахивая тростью. На встречу ему в защитной гимнастерке, в знакомой фуражке отрядов «Камикадзе», в американских башмаках шел несомненный «кейтэй» — японский солдат. Вот еще, еще и еще! В дальнейшем конце площади перенга «кейтэй» наступала на другую шеренгу — репетировала штыковой бой. Перед самым дворцом микдо маршировал отряд.

Старик, как зачарованный, на минуту останавливается, прислушиваясь к словам команды: «Ниц, ни, сан, си!» — Раз, два, три, четыре! Затем, встав лицом к дворцу, долго и низко кланяется, почти касаясь руками земли...

Так прошли первые часы пребывания на свободе военного преступника Мамору Сигемицу — бывшего японского министра иностранных дел и «министра по делам Восточной Азии».

В этот богатый впечатлениями день на него, как в былые времена, набрасывается свора репортеров, его приглашают к микрофону.

— Господин Сигемицу, слышались почтительные голоса, — каковы ваши планы? Что вы скажете о нынешнем международном положении?

Мелькают знакомые лица: генералы без погоны, но и без признаков уныния, добрые военные промышленники, бывшие соратники по министерству иностранных дел, по фашистскому обществу «Великая Япония» и «Политической ассоциации помощи тропу».

— Надеюсь, никаких перемен не произошло? — говорит Сигемицу, пожимаючи руки друзей и вкладывая особый смысл в это традиционное японское приветствие. Он уже и сам видит: у этих знакомых перемен не произошло.

Терять время на встречи с друзьями и интригами ему, однако, нельзя. Его ждут неотложные дела, иначе американцы не торопились бы с его освобождением. Вашингтонские и лондонские правители

в свое время сделали все, чтобы спасти Сигемицу от ответственности. Государственный департамент США и британское министерство иностранных дел раскрыли перед адвокатами Сигемицу свои дипломатические архивы. Бывший американский посол в Японии Гро письменно заверил Международный трибунал, что Сигемицу будто бы «кактивно противодействовал политике войны» и вообще заслуживает всяческого снисхождения в качестве его старого друга. В последнюю минуту в адрес трибунала прислал письменные показания в пользу японских военных преступников, в том числе и Сигемицу, генерал Маршалл, тогдашний государственный секретарь Соединенных Штатов.

Несмотря на сильное давление, оказанное на явное сочувствие многих судей в военных преступниках, ни один из поданных оправдан все же по был.

Но тут-то и начинается мистика! Генерал Мацуи, признанный виновным только по одному пункту Обвинительного акта, был приговорен к повешению. Сигемицу же, обвиненный, помимо того, еще по пяти серьезнейшим пунктам, получил всего семь лет тюрьмы!

Чем же так подлюбили этот матерый военный преступник американским дельцам и британским лордам? Они не являлись в нем основное и нестерпимое качество: ненависть к китайскому народу и к Советскому Союзу. За это они имеют его «спецпаспорт» по Китаю и СССР.

«Заслуги» Сигемицу в подготовке и осуществлении разбойничьего захвата Маньчжурии неоспоримы. Будучи в то время посланником в Китае, он сумел предотвратить возможные «нежелательные осложнения» путем договора с китайским князем Ван Циан-веем. 24 января 1932 года Сигемицу (на год опередил Гитлера!) устроил свой маленький «пожог рейстага». Подосланные бандасты сожгли его особняк. В этом провокационном поджоге были обвинены китайцы, и японская военщина воспользовалась этим, чтобы вторгнуться в Шанхай. Окрыленный успехами японских захватчиков, Сигемицу сочинил вдохновенный доклад для министерства иностранных дел, который в деталях предусматривал, как «покорить Китай, воспитать и организовать». «Неблагородные азаты», однако, не сумели оценить «заботу» японских благодетелей. 29 апреля 1932 года в шанхайском парке Хонгью во время парада японских войск китайский патриот бросил бомбу на трибуну, где находилась вся «голова» оккупантов. Командующий японскими сухопутными войсками генерал Сиракава был убит, командующий японским флотом в китайских водах адмирал Номура потерял глаз, а посланник Сигемицу — правую ногу. С тех пор, в память о своей китайской «специальности», Сигемицу ходит на протезе, который ему августейше пожалован супругой императора Хирохито.

Эта бомба на время вышвырнула Сигемицу из Китая. Но в последующие годы, выйдя до капитуляции Японии, на какие бы вершины дипломатической лестницы ни возносил его судьба, целью Сигемицу оставалось: сломить сопротивление китайского народа, «организовать» весь Китай по образцу Маньчжоу-Го.

Другой навязчивой идеей этого империалистического маньяка была идея войны против Советского Союза. С момента захвата Японией Маньчжурии в 1931 году Сигемицу неустанно призывал к развязыванию агрессивной войны против Советского государства и яростно противился неоднократным предложениям СССР заключить пакт о ненападении. Одновременно он усердно трудились над сколачиванием блока держав оси и подготовкой «санктионированного пакта».

Мамору Сигемицу связан самыми тесными узами как с гумбану — японской военной, так и с дзайбату — финансово-промышленными магнатами. Он происходит из самурайского клана, издавна поставлявшего офицеров для японского императорского флота и армии. Брат Сигемицу — крупнейший судовладелец, тесть — глава многих металлургических компаний.

На острове Кюсю, родине Сигемицу, предприимчивая фирма поручика Обаяеи встроила во время войны уральное угловое сооружение. Напоминающее груду папирусных кораблей, оно символизировало «пресловутый принцип «Хакконки» — «всеобщий уговор мира под одной крышей», означавший: весь мир под гноид японского императора. Сигемицу прилагал весьма ревностные усилия к тому, чтобы объединить по японской «крыше» все

страны Азии с их неисчерпаемыми богатствами. Недаром он, являясь главой миссии иностранных дел Японии, носил одновременно пышный титул «министра по делам Великой Восточной Азии» — так именовалось главное ведомство по аккупации оккупированных Японией территорий. На основе сочиненной им «Восточно-азиатской хартии», более известной под названием «Декларация Сигемицу», японские империалисты и осуществляли грабеж Азии.

Во время войны на улупах японских городов можно было видеть плакат, изображавший «Великую восточно-азиатскую сферу совместного процветания». За круглым столом сидят несколько человек, изображающих Китай, Филиппины, Малайю, Бирму и другие азиатские страны. Все они тянутся к японцу, восседающему в центре, поднося ему на раскрытой ладони «кто чем богат»: Китай — волfram, Железо, уголь; Филиппины — руду; Малайя — каучук, и так далее. Японец же, блаженственно улыбаясь, держит над их головами линкор: это он охраняет «совместное процветание»...

В самом деле. Без соблюдения каких бы то ни было принципов, на глазах у всего мира, под видом «мирного урегулирования» излагается обширная программа, цель которой — подготовка войны. Этому, естественно, и не приходится особенно удивляться: ведь душой и автором американского проекта является не кто иной, как поджигатель новой войны Джон Форд Даллес. Рука Морганов, Рокфеллеров, Дюпюнов во главе пером Даллеса при составлении проекта мирного договора с Японией. Вот почему в нем с максимальной возможной полнотой отражены замыслы Уолл-стрит и в то же время грубо и беспеременно поправлены интересы народов, кровно заинтересованных в обеспечении прочного мира на Дальнем Востоке.

Авторы американского проекта открыто высказываются за отторжение Тайвана и Пескадорских островов, расчистку и в дальнейшем продолжать оккупацию этих исконных китайских территорий.

Они также за восстановление агрессивного японского милитаризма. Япония, по американским планам, отводится роль военно-морской и воздушной базы США на Дальнем Востоке, а также и поставщика лучшего мисса. Никаких сроков для вывода из Японии оккупационных войск США, разумеется, и не намечается.

Такая и только такая программа «мирного урегулирования» угодила Даллесу и К. Устраняет она, конечно, и японо-фашистских милитаристов, военных преступников, Сигемицу и Хирохито.

Именно против такого незаконного решения японской проблемы, решения, лучшего вразрез с Кайроской и Потсдамской декларациями и Ялтинским соглашением, и высказалось правительство СССР в своих Замечаниях по поводу американского проекта мирного договора. В Замечаниях Советского правительства, поддержанных правительством Китайской народной республики, указывается, что мирный договор должен обеспечить превращение Японии в миролюбивое, демократическое, независимое государство с вооруженными силами, ограниченными нуждами самообороны, с мирной экономикой и налаженным торговым сотрудничеством с другими странами. При этом не может быть допущено существование в Японии милитаристских и фашистских организаций, посягающих на демократические права народа, а все оккупационные войска должны быть выведены в годичный срок. Не должно оставаться на японской территории места для военных баз других государств. Таковы, в основном, справедливые и убедительные предложения, изложенные в Замечаниях Советского правительства.

Военный преступник Мамору Сигемицу, разгуливающий на свободе, — злобный символ политики Уолл-стрит в Японии. Пусть помнят, однако, покровители военных преступников, что народы предупредили их о тяжелой ответственности, которую они на себя берут, освобождая врагов человечества и вступая в преступный союз с ними!

Почтительно выслушав хозяйские наставления, Сигемицу с изобретением приставленного к нему для «надзора» буддийского священника временно удалился в курортный городок Камакура, находящийся всего в 20 километрах от Токио, — чтобы быть всегда под руками.

На банкет, устроенный в феврале этого года в японо-американском обществе в честь Джона Форстера Даллеса, Сигемицу приглашал постеснялся. Устроителям банкета посоветовали не пригласить лишней раз внимание к незаконно амнистированному военному преступнику. Впрочем, за банкетным столом и без него собралось общество, сплошь состоявшее из лиц, подвергшихся «чистке». Здесь были и отоглазый адмирал Номура, бывший посол в США, и адмирал Тойота, бывший министр вооружений и крупнейший промышленник, родственник владельцев концерна Мицуиби, и бывший министр финансов, слуга и «теоретик» дзайбату — Исибаса, и бывший президент крупнейшей японской промышленной компании в Маньчжурии «Манго» — Такасакя, и многие другие. Знатный американский гость чокался, пил, произносил агрессивные речи и торговался: он покупал японское пушечное миссо...

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

ВНИМАНИЮ ПОЛУГОВОРОВ ПОДПИСЧИКОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
Рекомендуем заблаговременно продлить подписку на второе полугодие.
Подписка принимается всеми отделениями связи и Союзпечати.
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Международные заметки

Пигмен из Ватикана и «Капитал» К. Маркса

Ватикан составил «черный список» книг, которые под страхом суровой кары запрещается читать католикам. На одном из первых мест в нем значится гениальный труд Карла Маркса «Капитал». Основание: автор базируется на «коммунистическом атеизме» и считает, что «классовая борьба является единственным средством для достижения равноправия пролетариата».

В разное время «опровергать» Маркса брались многие ученые и неученые мужи из числа верных прислушников класса капиталистов и церкви, например, Ачесон, государственный секретарь Соединенных Штатов. Ничего, кроме конфуза, из этого понятно, не получалось, да и не могло получиться, ибо опровергнуть учение марксизма так же невозможно, как остановить течение времени. Поэтому святые отцы рассудили иначе: если нельзя опровергнуть, тогда надо запретить. А всякого, кого не удастся отвести от чтения «Капитала», предать анафеме.

Сейчас, когда стремление десятков миллионов простых людей (в том числе католиков) в свободе и демократии особенно сильно, «черный список» книг, опубликованный Ватиканом, — еще одно свидетельство антинародного сговора между князьями католической церкви и монополиями.

Непрощенные гости в Коре

На страницах английской газеты «Рейнольдс Ньюс» рядовой Билл Рич рассказал недавно о том, как британские солдаты, воюющие в Коре, относятся к интервенции против корейского народа.

«Мы чувствовали себя непрощенными гостями в несчастной стране, — признает Рич. — Где бы мы ни появлялись, нас повсюду принимали враждебно».

Уезжая из Коре, Билл Рич обещал солдатам своей части рассказать английскому народу правду о корейской войне — «о грязи, холоде и прежде всего о беспощадном истреблении людей». Своё слово, как видно, он сдержал.

Солдаты, которые задумываются над истинными целями войны в Коре, с каждым днем в войсках американско-английских агрессоров становятся все больше. Эйфрейтор Тайлер в письме к родине, в Англию, писал: «Люди не понимают всей опасности американского империализма. По моему мнению, американцы ведут политическую, а не стратегическую войну».

«Опасные мысли» в головах простых людей Англии — причина для серьезного беспокойства лейбористских правящих кругов. Ведь премьер-министр Эттли обещал Трумэну не позднее 1 августа этого года послать в Корею еще 20 000 английских солдат. В условиях, когда солдаты начинают думать, — легкая эта задача.

Предложение Мохамеда Хаджи Аладжа

«Предлагаю любую часть своего тела, которую потребовалась для медицинских исследований», — такое предложение поместил недавно в турецкой газете «Юристе» некий Мохамед Хаджи Аладжа. Не от хорошей жизни решился он на этот шаг. В письме, направленном в редакцию газеты вместе с приведенным нами объявлением, Аладжа пишет, что уже в течение года тщетно пытается найти работу. Он давно распродал все свои вещи, какие только можно было продать, и теперь вынужден с женой и маленьким ребенком жить на подстилке из соломы. Все три за последнее время не имели ни капли другой пищи, кроме травы...

Случай с Мохамедом Хаджи Аладжа — не исключение в нынешней печальной турецкой действительности. Миллионы турецких граждан находятся в таком же бедственном положении.

«Турция является страной, которая больше всего средств расходует на военные дела, и наряду с этим она является страной, имеющей самый низкий жизненный уровень», — заявил недавно турецкий премьер-министр Мендерес.

Признание, что и говорить, открывающее. Оно, собственно, и объясняет, почему трусливые этой страны обречены на пятерку голод и лишения. Ведь по словам того же Мендереса, начиная с 1945 года, Турция ежегодно расходовала на военные цели от 40 до 60 процентов своего бюджета, а в настоящее время держит под ружьем около полумиллиона солдат.

Такова уж цена порабощения Турции американскими империалистами!

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким расстройством взвешивает о смерти крупнейшего советского литературоведа, члена Союза советских писателей СССР, доктора филологических наук

Николай Леонтьевич БРОДСКОВО, последовавшей после продолжительной и тяжелой болезни.

Гражданская панихида состоится 8 июня 1951 г., в 14 часов, в Центральном доме литераторов.